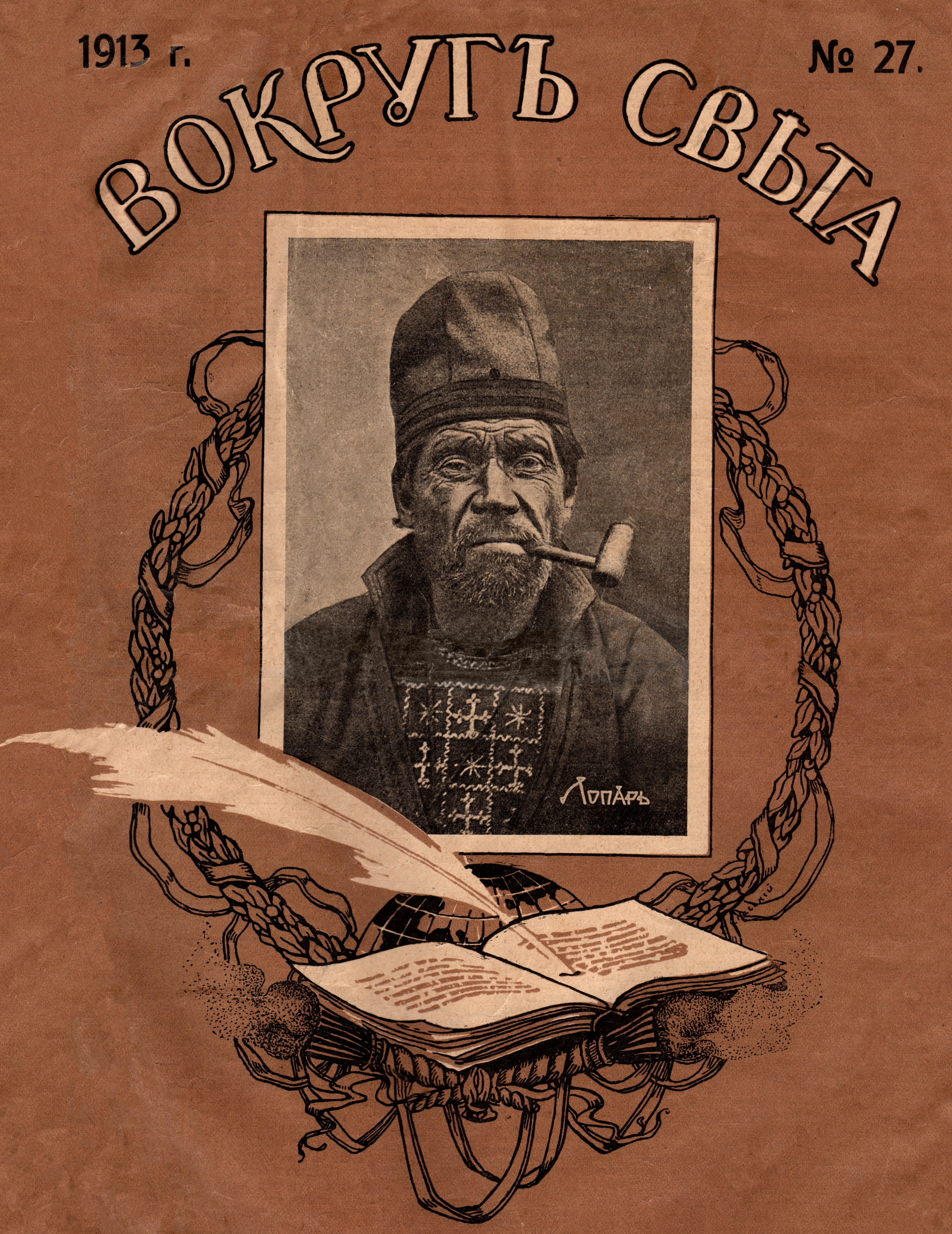
1913 г. № 27.

ВОКРУГЪ СВѢТА



ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Живые памятники древней Руси.

Купальскія и петровскія игрища.

Хотя языческіе праздники возрожденія природы начинались съ ранней весны, но главныя торжества въ честь солнца и его младшаго брата огня пріурочивались къ моменту лѣтняго солнцестоянія. Огромный циклъ купальскихъ и петровскихъ обрядовъ, которые до сихъ поръ сохраняются во всемъ славянскомъ мірѣ, представляютъ собою подчасъ нетронутыя религіозныя игрища въ честь Хорса или Даждь-бога. Ивановскія игрища, справляемыя въ ночь подъ „Ивана-Купало" (день св. Іоанна Крестителя), особенно упорно держатся среди западныхъ славянъ — чеховъ, поляковъ и австрійскихъ малороссовъ. Въ купальскую ночь всѣ нагорья Карпатъ неизмѣнно одѣваются красивыми огоньками ивановскихъ костровъ. Цѣлую ночь молодежь водитъ хороводы, а на зарѣ всѣ катаются по травѣ („божье купанье") и прыгаютъ черезъ огонь. Крѣпка память языческой старины въ Сербіи и въ Герцеговинѣ: по сербскому повѣрію въ „Иванъ-данъ" солнце останавливаетъ свой бѣгъ и этотъ день втрое длиннѣе другихъ.

Кромѣ прыганья черезъ огонь и купанья въ росѣ, среди всѣхъ славянъ, особенно въ Польшѣ и въ Малороссіи, широко распространенъ обычай собирать разныя травы — кочедыжникъ, кануперъ, звѣробой и др.

Легендарная разрывъ-трава (иначе, папоротникъ, кочедыжникъ— важнѣйшій представитель сосудистыхъ тайнобрачныхъ) издавна стала въ центрѣ народной ботаники. Съ трескомъ, который можетъ оглушить любого человѣка, въ самые „пѣтухи", подъ Ивановъ день вспыхиваетъ она огненнымъ цвѣтомъ и сейчасъ же гаснетъ: нечистая сила срываетъ чудесный цвѣтокъ. Мало счастливцевъ, которые видѣли, какъ цвѣтетъ разрывъ-трава. А счастье не малое копни разъ другой на томъ мѣстѣ, гдѣ вспыхнула его огненная шапка, и сейчасъ же найдешь кладъ. Корень кочедыжника, выкопанный подъ Ивановъ день, помогаетъ ото всѣхъ немочей не меньше миѳической „карадонъ-травы", которая растетъ „въ чужомъ краю", и кто ее носитъ на шейномъ гайтанѣ, тому нечего бояться ни бѣса ни злого недруга.

Съ легендой о папоротникѣ тѣсно связано другое великорусское повѣрье о „перелетъ-травѣ". Какъ степное перекати-поле, летаетъ эта трава съ края въ край свѣта, „отъ турчина до нѣмчина". Днемъ дивными радужными переливами, а ночью яркой звѣздой горитъ ея счастливый цвѣтъ. Сорви его—и ты увидишь, какъ въ одинъ мигъ исполнятся всѣ твои завѣтныя желанія.

Кромѣ кочедыжника, въ купальскую ночь собираютъ также мяту, иванъ-да-марью, мать-мачеху, богородицыну травку и прочіе предметы деревенской медицины. Вся сила, которую приписываютъ этимъ травамъ деревенскіе вѣдуны и вѣдуньи (знахари и знахарки), основана на томъ, что онѣ собраны подъ Ивановъ день.

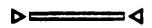
Каждая трава имѣетъ свою особую силу. Подсыпь женѣ тертыхъ листьевъ канупера и слушай: сонная, она разскажетъ тебѣ всѣ свои мысли: ничѣмъ такъ не вывѣдаешь невѣрную жену какъ травой—конуперомъ. Дорога и плакунъ-трава: не тронетъ съ ней никакая нечисть. А еще чудеснѣй трава нечуй-вѣтеръ, но сорвать ее можетъ только слѣпой; зрячему она не дается.

Кругъ праздниковъ въ честь солнца заканчивался въ послѣднихъ числахъ іюня. Отголоскомъ этихъ проводовъ солнышка въ обратный путь служатъ теперь народныя игрища подъ Петровъ день. Поселяне увѣряютъ, что въ петровскую зорю солнышко играетъ „на семь огней". Вечеромъ наканунѣ праздника молодежь отправляется куда-нибудь на пригорокъ или на берегъ рѣчки караулить солнце. Вся ночь проходитъ въ играхъ и пѣсняхъ, варятъ мірской кулешъ и ждутъ солнечнаго восхода.

Повѣрье въ игру солнца, особенно распространенное среди жителей нашей черноземной полосы, извѣстно также среди всѣхъ славянъ и даже въ Исландіи.

Въ деревнѣ Петровъ день такой же большой праздникъ какъ и Троица. Въ этотъ день празднуется „покосъ", т.-е. начало жатвы. По всѣмъ губерніямъ средней и южной Россіи сѣнная уборка или косовица—настоящее торжество, и хотя подъ Тулой сѣнокосъ въ концѣ іюня только начинается, а въ Харьковской уже оканчивается, однако крестьяне обязательно прихватываютъ Петровъ день. Дѣвушки и женщины надѣваютъ лучшіе наряды—благо, работа чистая Цѣлый день слышны музыка и пѣніе, а подъ вечеръ мірской ужинъ, за которымъ подаются изысканнѣйшія блюда деревенской кухни—коровай, крупяники, жареная баранина. Исконные земледѣльцы, славяне, съ особой торжественностью праздновали начало жатвы. Священными играми и плясками благодарили наши предки свѣтлый шаръ Даждь-бога и Ярилу за тучныя нивы и стада. И яркимъ отголоскомъ этого торжества служитъ теперь нашъ праздникъ сѣнокоса.

С. Плотниковъ.

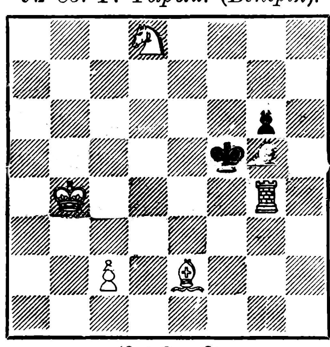


♚ ♜ ШАХМАТЫ. ♛ ♞

Подъ редакціей О. С. Бернштейна.

Адресъ для писемъ и рѣшеній шахматныхъ задачъ: Москва, у хр. Спасителя, д. Перцовой, кв. 10.

№ 85. Р. Тырый. (Венгрія).



(6+2=8).

Матъ въ 3 хода.

№ 86. Ф. Шиндлеръ. (Германія).

Бѣлые: Крh8, Фd3, Cf8, Ke4, h3, Пd6, d5, f2, g6 (9).

Черные: Kpe5, Фh5, Пg7, h6, h4 (5).

Матъ въ 2 хода.

Партія № 43, вѣнская.

(Играна въ юбилейномъ турнирѣ памяти Требича, въ Вѣнѣ, 5/18 марта с. г.).

	Тартаковеръ.	Перлисъ.		Тартаковеръ.	Перлисъ.
1.	e2—e4;	e7—e5	16.	Kd4—e6+;	Cd7 : e6
2.	Kb1—c3;	Kg8—f6	17.	Лe1 : e6;	Фd8—d2
3.	g2—g3;	d7—d5(1)	18.	Лa1—e1;	Л 8—8
4.	e4 : d5;	Kf6 : d5	19.	Лe1—e3;	Фd2—d7
5.	Cf1—g2;	Cc8—e6	20.	Фh5—f5;	Фd7—d8
6.	Kg1—e2;	Kb8—c6(2)	21.	Лe6—e7!;	Фd8 : e7
7.	d2—d4(3);	c5 : d4(4)	22.	Лe1 : e7;	Kpf8 : e7
8.	Ke2 : d4;	Kd5 : c3	23.	Фf5 : c5+;	Kpe7—f7
9.	Cg2 : c6+;	b7 : c6	24.	Фc5 : a7!(8);	Лe8—e7
10.	b2 : c3;	Ce6—d7(5)	25.	a2—a4;	Лh8—d8
11.	0—0;	c6—c5(6)	26.	h2—h4;	c7—c6
12.	Лf1—e1+;	Cf8—e7	27.	Фa7—c5;	Л 7—c7
13.	Cc1—g5;	f7—f6	28.	Фc5—f5;	Kp 7—g7
14.	Cg5 : f6(7)	g7 : f6	29.	h4—h5;	Лd8—d7(9)
15.	Фd1—h5+;	Kpe8—f8	30.	h5—h6+.	Сдался.

Примѣчанія: 1) Очень хорошо здѣсь и 3 Cf8—c5.

2) Въ старину здѣсь играли 6 c7—c6 7. 0—0; Cf8—c5 8 d2—d3; 0—0, что тоже недурно; не такъ хорошо 8 Kb8—d7, т. к. послѣ 9 Kc3 : d5; Ce6 : d5 10. Cg2 : d5; c6 : d5 11 d3—d4! бѣлые получаютъ атаку, которую надо отражать съ величайшей осторожностью, напр. 11. Cc5—e7! 12. d4 : e5; Kd7 : e5 13. Ke2—f4; d5—d4 14. Фd1—h5; Фd8—d6! 15. Лf1—e1; Ke5—c6 16. Kf4—d5; 0—0. 17 Cc1—f4; Фd6—d7 18 Лa1—d1; Лa8—d8 19. Kd5 : e7+; Kc6 : e7 20 c2—c3; Фd7—f5! 21. Фh5 : f5; Ke7 : f5. 22. Лe1—e5; d4 : c3! 23. Лd1 : d8; Лf8 : d8 24 b2 : c3; g7—g6 25 g3—g4; f7—f6! съ равной игрой (партія по перепискѣ I. Weissmann въ Парижѣ съ О. С. Бернштейномъ, 1901—1902 г. г.).

3) Преждевременно; лучше 7 0—0.

4) Лучше 7 Kd5 : c3 8 b2 : c3; Ce6—d5 (8 Cg2 : c6+; b7 : c6 9. b2 : c3; Фd8—d5).

5) Лучше было 10 Фd8—d5; для ничьей достаточно было и 10 Cf8—c5 11. Kd4 : e6 (11. Kd4 : c6. Фd8—d5!); Фd8: d1.+12 Kpe1 : d1; f7 : e6 13. f2—f4 (13 Kpd1—e2; 0—0; 0—0—0+ 14 Kpd1—e2; e6—e5 15 f4 : e5; Лh8—e8 (16 Cc1—f4; g7—g5!).

6) Рѣшающая ошибка, талантливо использованная противникомъ. Правильно было 11 Cf8—e7 12 Фd1—f3; 0—0! 13 Kd4 : c6; Cd7 : c6. 14. Фf3 : c6; Ce7—d6 съ равной игрой. Лишняя сдвоенная пѣшка почти не играетъ роли въ данномъ положеніи.

7) Интересное пожертвованіе „на позицію". Бѣлые жертвуютъ фигуру за пѣшку, при чемъ не видно непосредственныхъ выгодъ; чернымъ только трудно ввести свои ладьи въ игру.

8) Гораздо лучше, чѣмъ 24 Фc5 : c7+, что облегчило бы чернымъ ладьямъ доступъ на ферзевый флангъ.

9) Черные теряютъ еще пѣшку (h7 или f6); нельзя 30 Kpg7 : h6 ввиду 31 Фf5 : f6+; Kph6—h5 32 f2—f3.

ХРОНИКА.

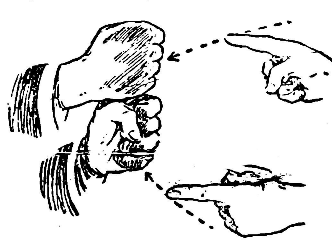
Петербургъ. Въ зимнемъ сезонѣ 1913/14 СПБ. Шахматное Собраніе собирается отпраздновать свой 10-лѣтній юбилей. Предполагаются 2 турнира: 1) всероссійскій турниръ маэстро, при участіи 18 человѣкъ; 2) международный турниръ Grossmeister'овъ, на который будутъ приглашены лишь лица, получившія когда-либо I призъ въ турнирахъ маэстро, а именно: изъ-за границы чемпіонъ міра Эм. Ласкеръ, Р. Капабланка, К. Шлехтеръ, З. Таррашъ, О. Дурасъ, Г. Марочи, Д. Яновскій, Ф. Маршалль, Р. Тейхманъ; изъ Россіи: А. К. Рубинштейнъ, О. С. Бернштейнъ, С. Винаверъ и будущій первый призеръ всероссійскаго турнира маэстро.

Будапештъ. Окончился австро-венгерскій турниръ. I призъ (1.000 кронъ) получилъ Р. Шпильманъ съ + $8\frac{1}{2}$ (изъ 11); II призъ достался С. Тартаковеру съ + $7\frac{1}{2}$; III Форгачу съ + 7; IV и V раздѣлили Балла и Марко съ + $6\frac{1}{2}$; VI и VII раздѣлили Броди и Брейеръ. Слѣдуютъ Ацталошъ, Видмаръ, Барашъ, Рети и Штеркъ.

○ ▬ ○ ▬ ○

Кто сильнѣе?

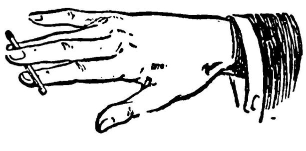
Мы часто дѣлаемъ заключенія, не изслѣдовавъ заранѣе предметъ. Мы думаемъ, напримѣръ, что кулаки сильнѣе пальцевъ. что пальцы крѣпче спичекъ и т. д.



На самомъ дѣлѣ оказывается со всѣмъ не такъ. Заставьте кого-нибудь изъ вашихъ товарищей поставить сжатые кулаки одинъ на другой такъ, какъ показано на рисункѣ. и прижимать ихъ другъ къ другу какъ можно сильнѣе.

Затѣмъ своими указательными пальцами сильно ударьте по кулакамъ въ направленіи, указанномъ на рисункѣ, и вы увидите, что кулаки уступятъ силѣ пальцевъ и разлетятся.

Другое испытаніе силы можно произвести слѣдующимъ образомъ. Приставьте свой средній палецъ къ кончику носа и предложите тому, кто считаетъ себя очень сильнымъ, оттянуть руку, не дергая ее отъ носа.



Многіе думаютъ, что пальцы ихъ в въ особенности правой, очень сильны. Положите спичку между пальцами такъ, какъ показано на нашемъ рисункѣ, и вы увидите, что сломать ее нельзя. При этомъ нужно руку протянуть прямо отъ плеча и ни въ какомъ случаѣ не сгибать пальцевъ.

Прижать большой палецъ къ ладони руки совсѣмъ не трудно: но попробуйте прижать его къ ладони, положивъ руку на бедро верхней стороной къ тѣлу. Многимъ это будетъ трудно, другимъ не удастся совсѣмъ.

Е. Т.

XXIX г. изданія. 21 іюля 1913 г.

№ 27 **ВОКРУГЪ СВѢТА** № 27

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. ▭ Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. За перемѣну адреса уплачивается **три** 7-ми-коп. почтовыя марки. Цѣна отдѣльнаго № журнала **10** коп., съ книгой — **40** коп. (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

съ 24 кн. собранія художественн. соч. **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **7 р.** **Допускается разсрочка:** 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.

съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **11 р.** **Допуск. разсрочка:** при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА «СТОЛИЦЪ МІРА».

Одному англійскому иллюстрированному журналу пришло на мысль изобразить наглядно въ формѣ шаровъ величину самыхъ многолюдныхъ городовъ земного шара. Получается очень интересное сопоставленіе.

По этимъ шарамъ мы, такъ сказать, читаемъ исторію страны, ростъ ея, процвѣтаніе или упадокъ.

Самый многолюдный городъ древняго Востока представленъ такимъ, какимъ онъ былъ въ эпоху процвѣтанія (около VI вѣка до Р. Х.). Въ немъ было 1.200.000 жителей.

Постепенно «міровое» владычество переходило отъ Іерусалима къ Аѳинамъ, Риму, Константинополю, и сообразно тому росло ихъ населеніе.

Но когда первенствующее значеніе утрачивалось древнимъ городомъ, онъ сохранялъ свое населеніе въ зависимости уже отъ своего положенія или значенія для своего государства. Таковы Константинополь, Аѳины, Римъ. Населеніе Константинополя и Аѳинъ, какъ важныхъ портовъ, не уменьшается. Римъ и Мадридъ сохраняютъ свое значеніе, какъ центры своихъ государствъ, но, напримѣръ, Іерусалиму не суждено расти — въ немъ нѣтъ задатковъ будущаго развитія.

Поражаетъ ростъ промышленныхъ европейскихъ, а еще больше американскихъ городовъ.

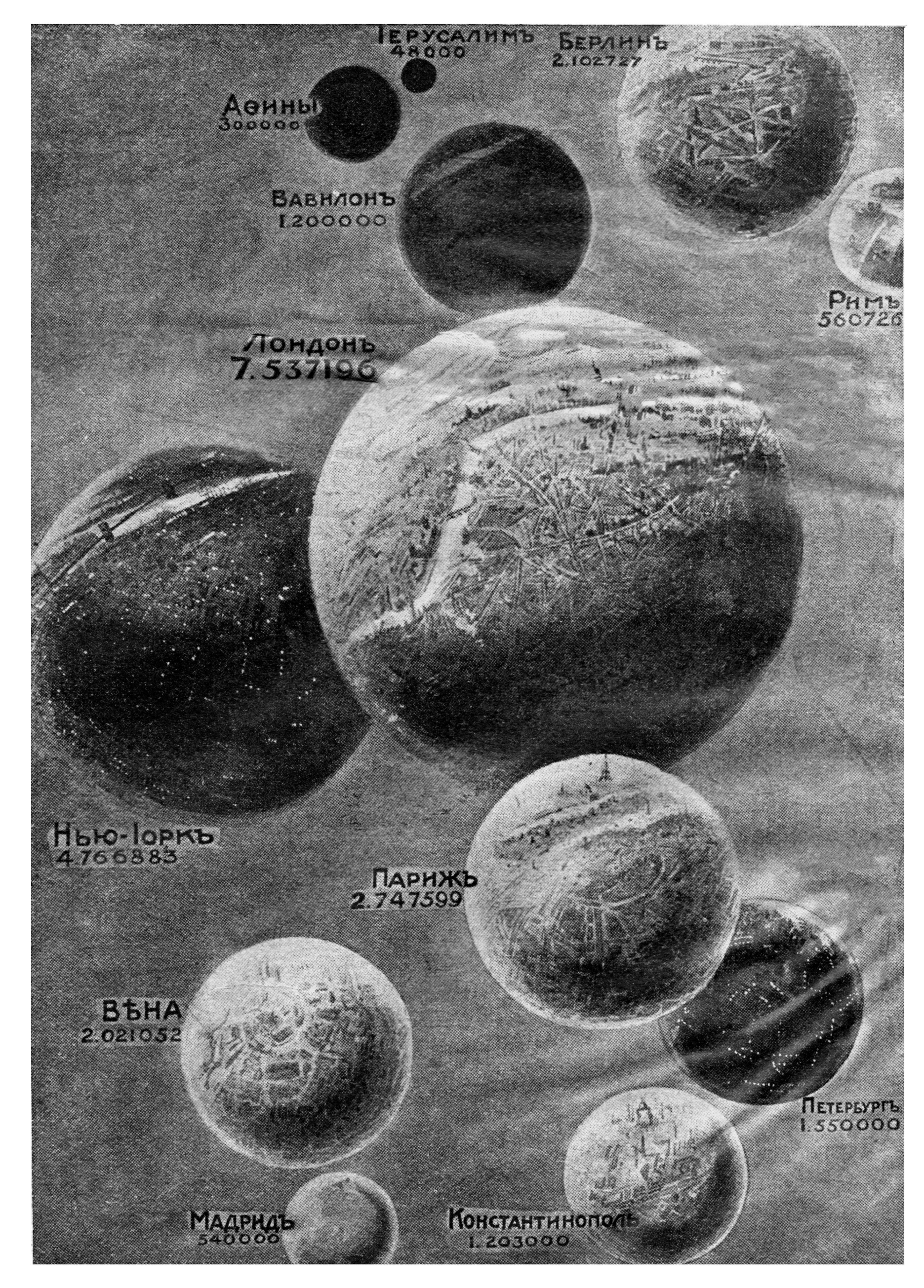
Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Нью-Йоркъ. Основанный въ 1612 г. голландскими купцами подъ именемъ новаго Амстердама, затѣмъ переименованный въ 1664 г. въ Нью-Йоркъ, городъ сталъ быстро расти. Въ 1750 г. онъ имѣлъ 73 тысячи жителей, черезъ 40 лѣтъ—въ 1790 году, уже 340 тысячъ, а черезъ 100 лѣтъ его населеніе достигало 3.097.000.

Теперь (черезъ 200 лѣтъ послѣ основанія) Нью-Йоркъ—второй по величинѣ городъ земного шара.

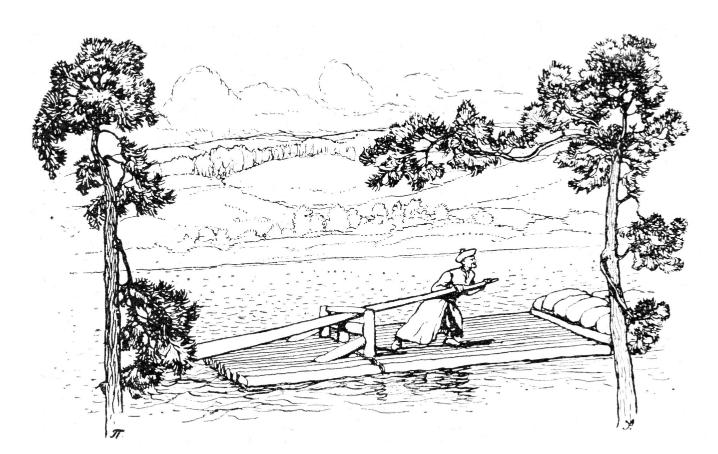
Первое же мѣсто принадлежитъ Лондону. Населеніе его почти вдвое превышаетъ населеніе Нью-Йорка, но и исторію свою Лондонъ ведетъ со временъ безъ сравненія болѣе раннихъ, чѣмъ Нью-Йоркъ. Уже въ I вѣкѣ Лондонъ извѣстенъ римлянамъ, а въ 804 г. Альфредъ великій избралъ его своей столицей. Съ тѣхъ поръ ростъ Лондона все шелъ впередъ. О многолюдности его можно судить по свѣдѣніямъ отъ 1665 г., констатирующимъ, что въ Лондонѣ погибло отъ чумы 68.000 человѣкъ, а пожаромъ въ 1666 году уничтожено 13.200 домовъ.

Значеніе Лондона въ политическомъ и торговомъ значеніи все росло; быстро шелъ и приростъ населенія. Теперь оно составляетъ уже 7.600 т. Если приростъ жителей пойдетъ такъ и дальше, то черезъ 90 лѣтъ Англія будетъ имѣть столицу съ 49 милліонами жителей.

Парижъ, Вѣна, Берлинъ растутъ такъ же усердно; при чемъ двѣ германскія столицы какъ бы соперничаютъ другъ съ другомъ. Но первенство, остается за Берлиномъ; онъ за послѣднія 40 лѣтъ уже обогналъ Вѣну. А. Г.



Шары, наглядно изображающіе величину крупныхъ городовъ земного шара.



Надъ святымъ озеромъ (Далай-Норъ).

Повѣсть Михаила Круковскаго.

V.

Кедровый орѣшекъ.

На утро проснулся русъ рано и пошелъ въ тайгу собрать валежника для огня. Послѣ холодной ночи хочется горячаго чая. Пробылъ онъ тамъ недолго. Бѣжалъ оттуда тропинкой, какъ сумасшедшій, глаза его дико сверкали. Не звѣрь ли его потревожилъ? Не духи ли тайги испугали его? Онъ подбѣжалъ къ костру, вплотную подошелъ къ спящему Бурядану, метнулъ быстрымъ взглядомъ на него, на два ружья, на спиртъ, сразу все понялъ, бросился на старика и своими могучими руками схватилъ его за плечи.

— Это ты сдѣлалъ!—рявкнулъ онъ на всю тайгу.

Въ ужасѣ проснулся Буряданъ. Хотѣлъ подняться, первымъ дѣломъ схватить ружье... но могучія руки крѣпко прижимали его къ землѣ. И кто же это такъ страшно ломитъ его старыя кости? Это тотъ русъ, такой добрый, умный, которому только вчера онъ пѣлъ свои завѣтныя пѣсни. Но теперь онъ не похожъ на себя: лицо блѣдное, искаженное, глаза налиты кровью... Страшно.

— Ай, ай!—кричитъ Буряданъ, стараясь вырваться.— Не тронь! Пусти!..

— Ты сдѣлалъ?—кричалъ русъ.

— Дурна ничего не дѣлалъ...

— Ты убилъ тамъ, въ кустахъ, человѣка?

— Я убивалъ.

— Ахъ ты, разбойникъ! Вотъ я тебѣ покажу, какъ людей убивать.

Бурядану показалось, что наступилъ часъ его смерти: русъ оторвалъ свои клещи-пальцы, сдѣлалъ изъ нихъ большие, крѣпкіе кулаки, поднесъ ихъ къ самому лицу его и страшно заскрежеталъ зубами... Ой, какъ страшно! Дыханіе заняло... Но русъ поднялся, плюнулъ въ костеръ и отдышался. Самого его трясло, какъ въ лихорадкѣ, застряли въ горлѣ бранныя слова... Увидѣлъ это Буряданъ и тихонько потянулся къ ружью. „Только бы ружье, а ужъ я справлюсь съ нимъ, съ этимъ разбойникомъ",— думалъ онъ. Но русъ замѣтилъ его движенье. Быстро выхватилъ онъ изъ внутренняго кармана револьверъ, приставилъ его къ лицу Бурядана и опять закричалъ:

— А, ты и меня хочешь убить. Ты знаешь, что это? Сиди, или буду стрѣлять.

Зналъ Буряданъ эту блестящую на солнцѣ штучку, которая стрѣляетъ нѣсколько разъ и насквозь пробиваетъ голову человѣка; и такъ непріятно смотритъ она въ лицо твое, что крупная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, душа замираетъ отъ страха.

Но русъ, видно, не хотѣлъ убивать „честнаго человѣка", какимъ Буряданъ считалъ себя, отвелъ револьверъ онъ въ сторону и выстрѣлилъ въ близъ стоявшую пихту.

— Видѣлъ? Слышалъ?—сказалъ онъ.

Буряданъ продолжалъ дрожать. Лицо было искривлено отъ страха.

Неожиданно бросился русъ къ ружьямъ, схватилъ ихъ, размахнулся и съ яростью бросилъ ихъ со скалы въ мрачную воду Байкала.

— Ай, ай! Что дѣлалъ! Не карошо дѣлалъ!—со стономъ лепеталъ старикъ.

— Байкалъ будетъ сердитъ, ай-ай!

Застучали ружья по уступамъ скалъ, гдѣ-то далеко внизу послышался глухой плескъ,—ружья погибли навѣки. За ними полетѣли два мѣшка съ драгоцѣннымъ спиртомъ.

— Что еще бралъ отъ спиртоноса? Деньги бралъ?

— Бралъ.

— Давай сюда.

Не хотѣлось Бурядану отдавать деньги, но это проклятое дуло револьвера опять блеститъ около самаго носа; полѣзъ за пазуху, досталъ отдалъ. Кошелекъ тоже полетѣлъ въ озеро. Послѣ этого русъ усѣлся у погасшаго костра и нѣсколько минутъ молчалъ. Онъ тоже усталъ.

— Зачѣмъ ты его убилъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Зачѣмъ онъ казенна спирта таскалъ.

— Какое же тебѣ дѣло, что онъ носилъ?

— Онъ худо дѣлалъ, законъ не велѣлъ таскать спирта... Законъ велѣлъ стрѣлять такой разбойникъ. Законъ даетъ Базалтай деньги за то...

— Врешь!—крикнулъ русъ.—Никто тебѣ не велѣлъ. Самъ ты вотъ и разбойникъ! Самъ пошелъ ты на это дѣло. Зачѣмъ краденый спиртъ пилъ?

— Не кралъ. Спирта мой. На охота досталъ спирта мой!

— На звѣрей только можно охотиться, а не на людей!—крикнулъ русъ.—Кто убьетъ человѣка, тотъ самъ разбойникъ, гадина ты этакая.

— Мой не разбойникъ, мой охотникъ! Честна бурятъ.

— А зачѣмъ ты ружье и деньги укралъ?

Подтвердилъ Буряданъ снова, что это его охотничья добыча. Въ головѣ его все перемѣшалось: какъ это можно такъ оскорблять его, честнаго, ни въ чемъ неповиннаго бурята, когда онъ сдѣлалъ такое хорошее дѣло: убилъ вреднаго человѣка, спиртоноса. Началъ понимать складъ его мыслей и русъ.

— Законъ не велѣлъ убивать людей, — сказалъ онъ. — Грѣхъ убивать. Теперь ты — разбойникъ и воръ, вотъ какъ сказалъ законъ. Теперь тебя надо послать въ каторгу, въ Акатуй [1]) понимаешь!

— Акатуй!.. Каторга!.. — вскрикнулъ поблѣднѣвшій Буряданъ.

— Да, туда! Пошелъ вонъ отсюда! — вдругъ крикнулъ русъ. — Чтобы и духу твоего, проклятаго, не было въ тайгѣ! Пошелъ!..

Трусливой, нерѣшительной походкой, поглядывая на дуло револьвера, Буряданъ направился къ лошади, взобрался на сѣдло и тихимъ шагомъ поѣхалъ по тропинкѣ.

Русъ наблюдалъ за нимъ. Но когда „умна человѣкъ" былъ уже далеко, и пуля его не могла достигнуть честнаго Бурядана, онъ повернулся на тропинкѣ и громко крикнулъ:

— Буряданъ будетъ стрѣлять тебя тайша, онъ убьетъ тебя, некарошій русъ.

Повернулъ лошадь и быстро поскакалъ въ сторону улуса.

Спокойно слушалъ его русъ. Развелъ костеръ, сварилъ чаю. Но не такъ спокойно было у него на душѣ. Тамъ было тяжело, словно кто большимъ камнемъ придавилъ грудь. Онъ любилъ этихъ людей, учился отъ нихъ и ихъ училъ, и накинулся на варваровъ, жестокихъ, дикихъ, какъ и эта тайга. Какія у нихъ дикія понятія: убилъ человѣка и увѣренъ, что сдѣлалъ полезное дѣло. Тяжело.

[1]) Акатуй—каторжная тюрьма въ Забайкальѣ.

Той лопатой, которой онъ до сихъ поръ вырывалъ лишь изъ земли коренья, выкопалъ неглубокую яму, похоронилъ несчастнаго спиртоноса, засыпалъ, какъ могъ, землей—можетъ-быть, волки не разроютъ,—вбилъ сухой колъ, перекладину привязалъ къ нему вѣточкой, поклонился низко этому кресту.—Спи съ миромъ, человѣкъ, каковъ бы ты ни былъ,—сказалъ онъ,—пусть Байкалъ и тайга нашептываютъ тебѣ свои вѣчныя сказки!..—Повернулъ на тропинку и скрылся въ полутемной тайгѣ.

Много дней ѣхалъ Буряданъ въ свой улусъ. Спускаться съ горъ было труднѣе, нежели подниматься вверхъ. Опять же—ружья нѣтъ, ѣды нѣтъ. И все это сдѣлалъ проклятый русъ. Погоди же, поймаю я тебя!.. Наконецъ его жалкая фигура показалась въ степи, невдалекѣ отъ улуса. Родные увидѣли его, дѣтишки побѣжали навстрѣчу. Но что случилось? Неузнаваемъ сталъ Буряданъ. Похудѣлъ, сгорбился, глубоко впали глаза... За плечами винтовки нѣтъ. Едва стащили его съ лошади. Еле живой пошелъ онъ въ свою юрту. Смотритъ на родныхъ, видитъ—они какъ будто боятся его, не глядятъ въ глаза, другъ за друга прячутся. „Что за штука,—думаетъ старикъ, — всегда радовались пріѣзду, а теперь, какъ гнилое болото, молчатъ".

Вдругъ вспомнилъ онъ про свои неудачи и громко крикнулъ:

— Розги!

Мальчикъ живо побѣжалъ за юрту и принесъ большой пучокъ розогъ. Онъ уже зналъ, что будетъ. Буряданъ взялъ розги, подошелъ къ бурхану и грознымъ голосомъ сказалъ ему:

— Ты о чемъ здѣсь думаешь? Зачѣмъ не защитилъ Бурядана, зачѣмъ далъ его въ обиду. Онъ голодный, слабый ходилъ на заработокъ въ тайгу, далекую тайгу, видѣлъ самый Далай-Норъ, а ты тутъ сидѣлъ въ теплѣ, нюхалъ вкусные запахи, ничего не дѣлалъ. Злой, не хорошій бурханъ! Ступай сюда!

Русъ выхватилъ револьверъ и приставилъ его къ лицу Бурядана.

Онъ быстро схватилъ идола, повалилъ его на землю и началъ безпощадно сѣчь. Высоко въ воздухѣ подымались розги, со свистомъ упадали на деревянное тѣло идола, а онъ былъ нѣмъ.

Уморился старикъ, бросилъ розги въ сторону, обтеръ рукавомъ обильный потъ съ лица, поставилъ бурхана на мѣсто и погрозилъ ему пальцемъ.

— Смотри у меня! Еще не такъ получишь. Ы-ы-ы!.. Идолъ попрежнему смотрѣлъ на него своими безсмысленными глазами.

— А вы чего тутъ топчетесь,—накинулся старикъ на семью;—даже не покормите несчастнаго старика, хотите, чтобы Буряданъ съ голоду умеръ? Гдѣ розги?

Всѣ бросились вразсыпную.

Старуха на скорую руку подала кушанье, заварила чай—отвелъ свою душу старикъ.

Столько дней онъ провелъ впроголодь.

Какое вкусное это молоко, сыръ...

— Дай арсы!—попросилъ старикъ.

Принесли и арсу.

„А хорошо вѣдь напугалъ я ихъ, — подумалъ старикъ.—Сидятъ по угламъ, слова не вымолвятъ. Жалѣютъ меня".—Ну, ну!—сказалъ онъ,—чего жалѣть. Привезъ бы вамъ много богатства: новую винтовку, два мѣшка спирта, деньги..., а другой разбойникъ напалъ на меня, чуть не задавилъ: отнялъ и винтовки, и спиртъ, и деньги, и все побросалъ въ Далай-Норъ. Чуть живъ я остался. Ну, ничего. Теперь я успокоился, теперь я опять добрый сталъ. Садитесь обѣдать вмѣстѣ.

Никто не пошевельнулся. Никто не смѣлъ смотрѣть старику въ глаза.

— Да что съ вами случилось? Сидите, какъ мертвые. Забыли меня что ли?

— Отецъ, — нерѣшительно робко сказала старуха,—у насъ тоже горе.

— У васъ горе? Хэ! Ужъ не больше ли моего? Молоко скисло, что ли?

— Нѣтъ.

— Овцу волкъ стащилъ?..

— Нѣтъ, больше.

— Корова пала, ну?

— Еще больше.

— Больше уже нечему быть. Развѣ что лошадь украли. Ну, говорите, я вѣдь добрый.

— Не лошадь, а весь табунъ угнали.

И сразу, какъ по командѣ, вся семья завыла на всѣ лады.

Женщины визжали, Пехусай покрякивалъ сквозь слезы, дѣтишки ревѣли и били объ полъ руками, ногами, головой. Вой стоялъ невообразимый. Вся доброта Бурядана сразу испарилась.

— Да вы шутите со мной, что ли? — закричалъ онъ. — Какъ можно увести весь табунъ?

— Увели, отецъ, увели! Русы увели. Вчера ночью увели-и-и!.. нараспѣвъ протянулъ Пехусай.

Нѣтъ, видно, тутъ дѣло не шутка.

Вскочилъ Буряданъ, какъ ужаленный, бросился за изгородь, всмотрѣлся въ степь,—вѣрно: его табуна нѣтъ. Правду говорятъ. Вернулся къ костру, въ изнеможеніи опустился на землю и глубоко задумался.

— Погоня была?—спокойно спросилъ онъ.

— Была,—отвѣтилъ Пехусай. Одинъ слѣдъ пошелъ на Иркутскъ, другой черезъ Селенгу, по Кяхтинскому тракту, должно-быть, на Китай.

— Дуракъ,—тихо обругалъ его старикъ.

— На Китай не поѣдутъ, не путь. Тамъ наши узнаютъ. Орѣхи взяли съ собой?

— Нѣтъ, на берегу.

— Горе—мое, горе! Вотъ бѣда пришла.

Нѣсколько минутъ царила гробовая тишина. Вдругъ Буряданъ вскочилъ на ноги и, какъ дикій звѣрь, бросился въ юрту.

— Розги!—рявкнулъ онъ.

Схватилъ бурхана съ полки, повалилъ на землю и снова началъ сѣчь.

— Ты нищимъ хочешь сдѣлать меня, богатаго тайшу, ты позволяешь грабить меня, — приговаривалъ онъ во время своей работы.—Мало тебѣ досталось? Вотъ же еще,

получи. Отдеру такъ, что щепки полетятъ отъ тебя, всякъ увидитъ, какой нехорошій бурханъ сидитъ у Бурядана, много разъ былъ наказанъ; никто и даромъ не возьметъ тебя, такое глупое дерево! На еще, на!.. Знай свое дѣло!..

Кончилось, наконецъ, истязаніе. Буряданъ усталъ, на полу валялись щепки, а бурханъ попрежнему смотрѣлъ на все своими безсмысленными равнодушными глазами.

Не хотѣлось старику и отдыхать отъ дальней дороги и всѣхъ треволненій. Неспокойно было на душѣ, давила тоска. Пошелъ онъ на Селенгу, усѣлся на бережокъ и началъ думать. Горькія мысли ползли ему въ голову. Зачѣмъ позволилъ онъ этимъ страшилищамъ-русамъ собирать здѣсь орѣхи? Глупый старикъ, были ли у тебя мозги въ головѣ: за двѣ бутылки русъ-арсы продалъ весь табунъ. Ай-ай! что сдѣлалъ, что сдѣлалъ? На что имъ теперь эти орѣхи? Стоятъ они дешево, а табунъ—тысячу рублей; положимъ, и орѣхъ что-нибудь да стоитъ, плотъ изъ сосновыхъ деревьевъ тоже. Ужъ не придутъ ли русы опять, не украдутъ ли и орѣхи? Да нѣтъ, не придутъ. Знаютъ, что стража будетъ поставлена. Надо эти орѣхи самому свезти на продажу въ Иркутскъ.

Неожиданная мысль блеснула въ тяжелой головѣ Бурядана. Загорѣлись глаза, зашевелились губы, началъ онъ говорить самъ съ собой.

Такъ, такъ... соображалъ онъ.—Да, скорѣй надо дѣлать такъ. До Кяхты дорога русамъ будетъ хорошая, дальше надо объѣхать край Хамаръ-Дабана, тамъ дорога трудная-трудная. Надо скрываться отъ людей, табунъ тоже кормить. А Селенга идетъ прямѣе, потомъ начнетъ вертѣться то влѣво, то вправо, какъ Шинтайка съ Пехусаемъ пляшутъ, зато воды прибавится: плоты пойдутъ еще быстрѣе... Такъ, такъ! Надо и этихъ страшилищъ перегнать и захватить. А тамъ, на плотахъ—айда черезъ Байкалъ, по Ангарѣ, въ Иркутскъ за орѣхами. По пути надо побывать на Шиманскомъ быку, принести жертву, попросить онгоновъ, чтобы послали ему хорошаго, бдительнаго бурхана. Въ Иркутскѣ подстеречь и захватить русовъ съ партіей лошадей; имъ тоже надо огибать съ лѣвой стороны конецъ Хамаръ-Дабана... Скорѣе въ Иркутскъ, на плотахъ по Селенгѣ.

Когда въ головѣ Бурядана создался этотъ геніальный планъ погони, онъ быстро побѣжалъ въ улусъ, въ свою юрту.

Надо было торопиться: каждый часъ времени дороже золота. Не зѣвай, Буряданъ!

— Пехусай!—крикнулъ онъ;—скорѣй въ погоню.

— Ты, коза безбородая,—на Селенгу. Дѣти, айда туда же. Всѣ на Селенгу. Завтра утромъ ѣду на плотахъ въ Иркутскъ, повеземъ орѣхи, лошадей будемъ искать. Ну, живо! Солнце еще высоко. Ты, старуха, готовь ѣду на ужинъ и на дорогу мнѣ и Пехусаю. Айда!..

Бросились всѣ къ рѣкѣ. Услышали сосѣди о намѣреніяхъ своего тайши, пришли на помощь. Легко сказать: уведенъ цѣлый табунъ. Съ каждымъ можетъ случиться такое несчастье. Надо другъ другу помогать.

Закипѣла на берегу отчаянная работа, какой не видали ни разу столѣтніе развѣсистые кедры. Около ихъ могучихъ стволовъ, темно-коричневыхъ, корявыхъ, толстыхъ до полутора аршина въ отрубѣ, копошится народъ. Была пора, когда созрѣвшія шишки уже сами падаютъ на землю: не надо лазить по дереву, срывать ихъ. Тамъ сгребаютъ шишки въ кучи, здѣсь шелушатъ ихъ, выколачиваютъ зерно, дальше ребятишки ссыпаютъ зерно въ мѣшки, оставленные русами.

Всюду спѣшка. Буряданъ съ Пехусаемъ ладятъ плоты, настилаютъ подмостки, чтобы орѣхъ не подмокъ, — путь вѣдь далекій и трудный. Положили новыя вязи на руль и весло, починили скрѣпы межъ бревенъ,—можно грузить кули.

Трудно таскать Бурядану этотъ грузъ. Если бы это была нечищенная шишка, было бы легче; но вѣдь это уже готовое, очищенное сѣмя. Все-таки надо сказать спасибо этимъ русамъ: столько начистили зерна. Отнесетъ старикъ готовый куль на плотъ, уложитъ его—отдохнетъ. Сколько это онъ заработаетъ на очищенномъ орѣхѣ? Дерево даетъ пять кулей шишекъ; если ихъ очистить, то каждый куль будетъ вѣсить три пуда, а пудъ продается по три рубля; значитъ дерево приноситъ девять рублей. Уже полсотни деревьевъ очищено, значитъ почти около полтысячи рублей получитъ онъ. А еще плоты продастъ въ Иркутскѣ, да кожъ захватитъ на продажу. Эхъ, Буряданъ, Буряданъ! Старый дуракъ. Пуста голова твоя стала. Лучше было бы самому тебѣ орѣхъ собрать, а не на охоту ходить. И винтовки-то нѣтъ теперь: доставай у сосѣда.

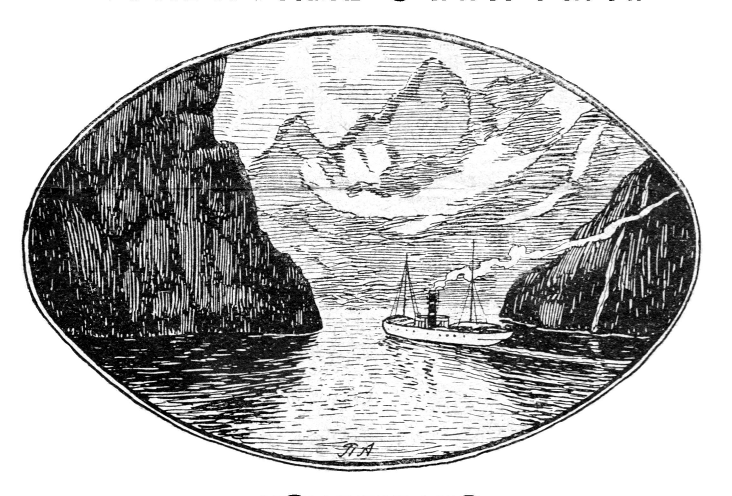
До поздняго вечера кипѣла работа. Поставили на ночь стражу. Раннимъ утромъ началась послѣдняя упаковка. Кули покрыли кожами, войлоками, чтобы дождь не промочилъ, обвязали веревками изъ конскаго волоса; Буряданъ сталъ на руль на заднемъ плоту, Пехусай впереди на веслѣ,—и начали отчаливать.

Солнце стояло уже высоко, когда плоты выбрались на средину рѣки.

Съ берега доносился прощальный вой бабъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ МІРА.



ХРИСТІАНІЯ.

Очеркъ В. Ю. Ульянинскаго.

Большой, бѣлый какъ лебедь, красавецъ пароходъ „Erlinq Jarl" скорой линіи Бергенскаго пароходнаго общества, совершающій рейсы между Вадсо [1]) и Христіаніей, повернулъ изъ Скагеррака въ Христіанія-фіордъ, лавируя между безчисленными островками, одѣтыми сочными зелеными лѣсами, въ виду цвѣтущихъ холмистыхъ береговъ. Онъ плавно разсѣкалъ спокойныя воды фіорда, держа курсъ прямо на сѣверъ въ Христіанію. Многочисленные пассажиры, преимущественно туристы, англичане и нѣмцы, толпились на палубѣ съ биноклями и кодаками въ рукахъ, оживленно обмѣниваясь впечатлѣніями. Туристовъ русскихъ, кромѣ меня, не было ни одного. И вообще за все время моего сорокадневнаго путешествія по Норвегіи мнѣ пришлось встрѣтить не болѣе трехъ-четырехъ: такъ мало еще знаютъ у насъ своеобразную прелесть путешествія по Норвегіи.

Послѣ восьмичасового перехода отъ Ларвика, расположеннаго у входа въ фіордъ, пароходъ входитъ въ проливъ, изъ котораго открывается общій видъ на Христіанію съ ея окрестностями.

---

[1]) Вадсо—небольшой городокъ въ сѣверной Норвегіи на Варангеръ-фіордѣ, недалеко отъ русской границы.

Пароходъ подходитъ къ Христіаніи около 8 часовъ вечера, когда солнце уже зашло за горизонтъ, но на небѣ еще не погасла вечерняя заря, и легкія розовыя облака нѣжными переливами окрашивали тихое зеркало водъ. Плавно причалилъ къ пристани пароходъ, и пассажиры съ ручнымъ багажомъ ступили на берегъ.

Переодѣвшись изъ дорожнаго костюма въ городской въ отелѣ, къ слову сказать, комфортабельномъ и недорогомъ, какъ и вездѣ въ Норвегіи, я отправляюсь бродить по улицамъ, чтобы познакомиться съ общимъ расположеніемъ города и его вечерней и ночной жизнью.

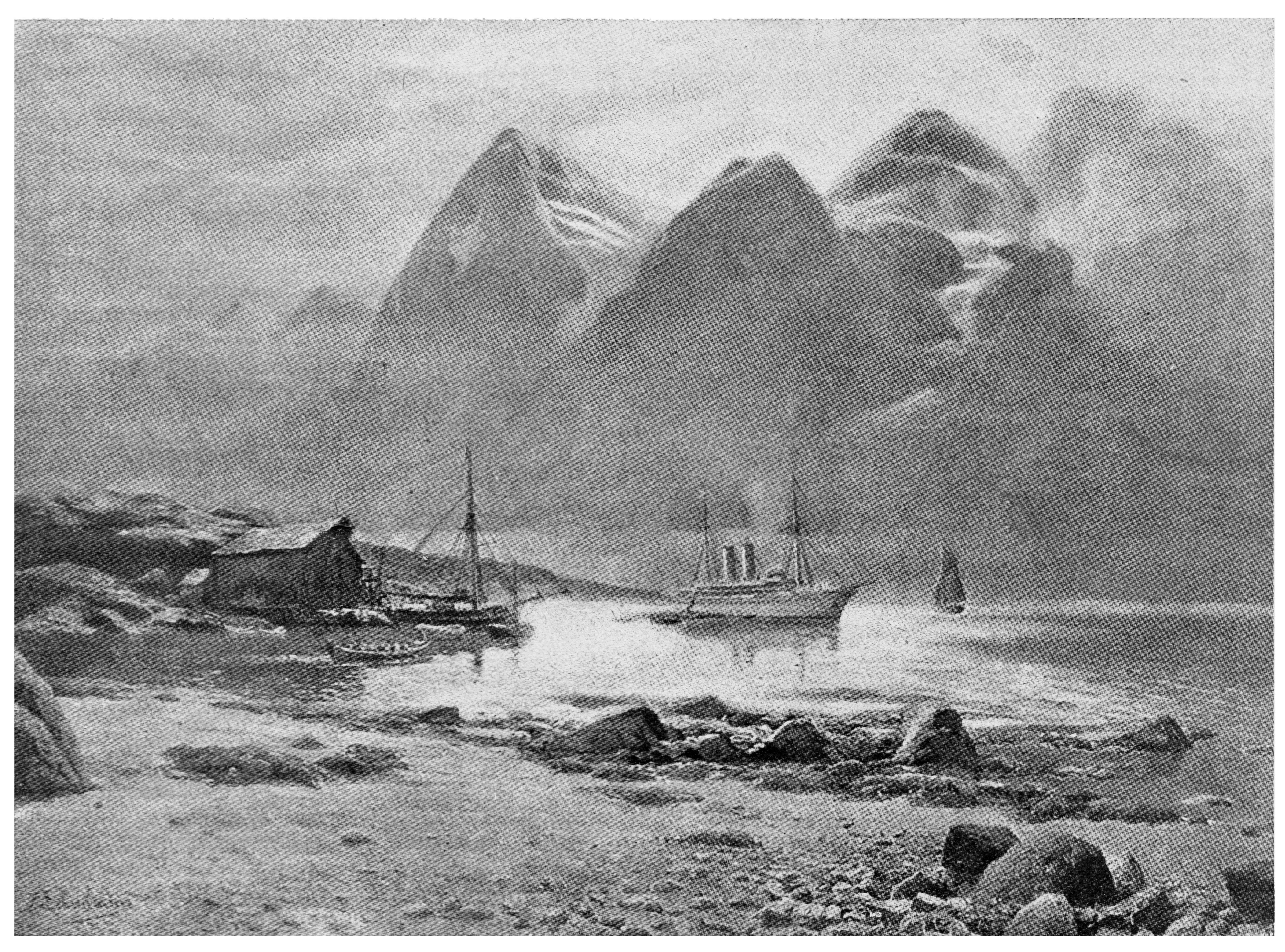
Ни въ какое другое время не выступаютъ такъ рѣзко особенности бытовой жизни города, какъ только въ вечерніе часы. Вечеръ уже спустился на городъ; магазины, конторы, банки закрыты, и весь трудовой людъ спѣшитъ воспользоваться недолгимъ вечернимъ отдыхомъ, подышать пріятной свѣжестью воздуха послѣ іюльскаго жаркаго дня, посидѣть за газетой въ кафэ или развлечься въ лѣтнемъ увеселительномъ саду. А воздухъ вечеромъ въ Христіаніи превосходный, чистый и прохладный, благодаря прекрасному санитарному благоустройству и близости фіорда.

Оживленная толпа наполняетъ бульвары, променады и кафэ. Свѣтлые дамскіе туалеты, элегантные, но простые, лишенные крикливой изысканности парижскихъ бульваровъ и неуклюжести и подчеркнутаго безвкусія большихъ нѣмецкихъ центровъ, перемѣшаны съ темными и свѣтлыми костюмами мужчинъ, одѣтыхъ солидно, но со вкусомъ. Бѣгутъ въ загородныя мѣстности трамваи, набитые публикой, стремящейся отдохнуть на лонѣ природы. Несутся экипажи.

Толпа очень оживлена, слышится веселый, шутливый разговоръ, звенитъ молодой искренній смѣхъ. Степенно идутъ сѣдые, но здоровые съ розовыми лицами и блестящими глазами старики, распространяя запахъ сигарнаго дыма, съ шумомъ проносятся молодые, компаніями и парами.

Напрасно многіе, бывавшіе въ Норвегіи, пишутъ, что норвежцы—народъ хмурый, серьезный и сосредоточенный. Да, въ дѣловое время, за своими обычными занятіями, норвежцы трудолюбивы, можно даже сказать упорно трудолюбивы, замкнуты и серьезны. Но окончены дѣла, покинуты будничныя заботы, и серьезнаго норвежца не узнаешь; онъ становится веселымъ, общительнымъ, привѣтливымъ, любитъ развлечься и отдается этимъ развлеченіямъ всей душой. Правда, это оживленіе, это веселье почти никогда не принимаютъ бурной формы, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ нашихъ русскихъ городахъ; здѣсь также не увидишь такого шумнаго, крикливаго оживленія, какое можно наблюдать среди экспансивной и сангвинической итальянской толпы. Здѣсь царитъ здоровье, веселье и оживленіе, свойственное здоровымъ людямъ, выросшимъ подъ благодатнымъ вліяніемъ укрѣпляющаго воздуха моря, горъ и лѣсовъ сѣвера. Даже нѣкоторыя уродливыя явленія, всегда свойственныя всякому большому городу, и тѣ не такъ замѣтны среди общаго здороваго тона этой толпы здоровыхъ, хорошо воспитанныхъ и спокойныхъ сѣверныхъ людей.

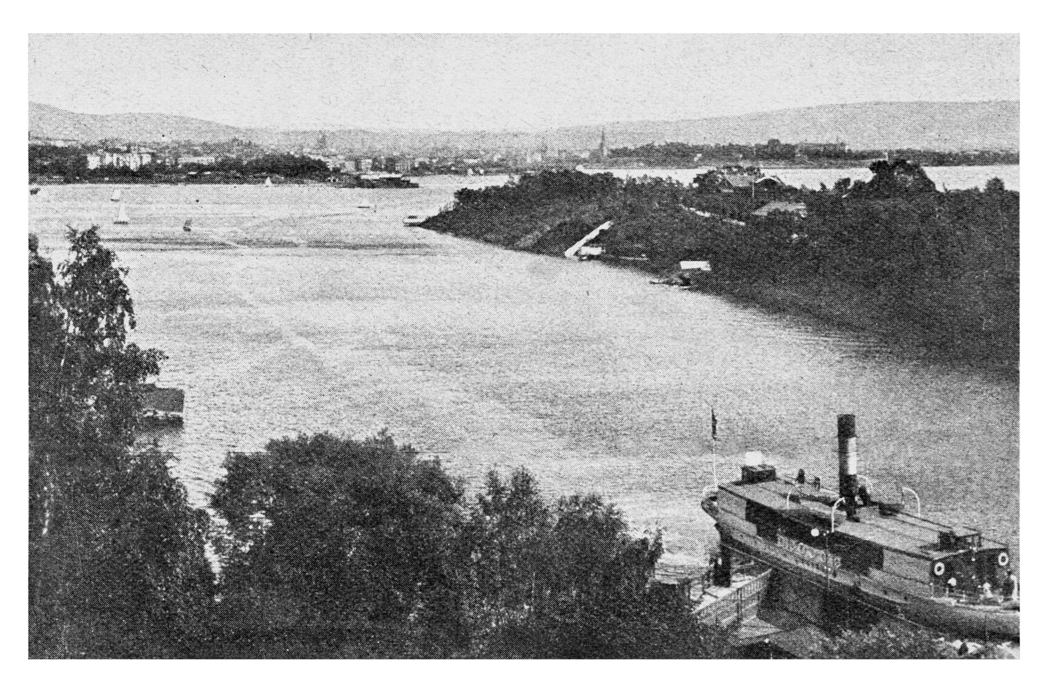
Около десяти часовъ кафэ набитъ биткомъ, и въ это время интересно зайти въ кафэ при ресторанѣ самаго



Фіордъ Растзундъ у Дигермулена въ Норвегіи.

большого первокласснаго отеля „Грандъ-Отеля", въ тотъ самый „Грандъ", который такъ хорошо извѣстенъ русской читающей публикѣ по разсказамъ и романамъ едва ли не самаго любимаго у насъ писателя Кнута Гамсуна, съ такимъ мастерствомъ изображающаго жизнь современной Христіаніи въ своемъ увлекательномъ романѣ „Новая Земля" [1]). Вы занимаете столикъ въ такомъ мѣстѣ, откуда хорошо видно все кафэ, сами же остаетесь малозамѣтнымъ и съ большимъ интересомъ наблюдаете типы современной Норвегіи, сдѣлавшей послѣ разрыва уніи со Швеціей громадные шаги по пути культурнаго обновленія.

Вотъ недалеко за столикомъ сидитъ компанія изъ молодыхъ людей: по ихъ нѣсколько небрежнымъ и оригинальнымъ костюмамъ, по самоувѣренному виду, по оживленному, нѣсколько болѣе громкому разговору, разсчитанному на то, чтобы быть услышанными, а также и по тому вниманію и уваженію, съ которымъ на нихъ посматривали окружающіе, легко догадаться, что это представители литературнаго міра, быть-можетъ, крупные писатели, быть-можетъ, руководители или сотрудники какой-либо популярной газеты.



Видъ на Христіанію отъ Фриденборга.

Далѣе расположились два пожилыхъ солидныхъ господина съ типичными, нѣсколько грубоватыми, но открытыми и пріятными лицами норвежскихъ крестьянъ; за рюмками коньяка, который они медленно отпивали глотками, запивая холодной содовой водой, они вели серьезный дѣловой разговоръ, поглотившій все вниманіе: настолько они ушли въ него и мало обращали вниманія на окружающихъ. „Депутаты Стортинга", пояснилъ мнѣ услужливый кельнеръ, указывая на нихъ.

За другими столиками можно видѣть шкиперовъ съ торговыхъ судовъ съ загорѣлыми мужественными лицами, видавшихъ не мало трудовъ и опасностей морскихъ волковъ. А дальше расположился съ газетой хмурый господинъ, повидимому, большой мизантропъ, по внѣшнему виду похожій, а, можетъ быть, и старающійся быть похожимъ на Ибсена.

Но вечерняя жизнь въ городѣ кончается рано, башенные часы мелодично бьютъ двѣнадцать медленныхъ ударовъ. Кафэ и рестораны постепенно пустѣютъ, гасятъ огни, и городъ погружается въ глубокій сонъ; только въ гавани не прекращается шумъ: слышенъ лязгъ и шумъ работающихъ лебедокъ, нагружающихъ корабли товарами, да сигнальные гудки отходящихъ пароходовъ.

[1]) „Новь" или „Поросль" въ другихъ переводахъ.

Въ концѣ іюня и въ іюлѣ въ Христіаніи устанавливается постоянная ясная погода.

Утро полно бодрящей свѣжести, и туристъ, пріѣхавшій въ Христіанію, не засиживается въ отелѣ

Послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака я отправляюсь осматривать городъ и его достопримѣчательности.

Прямая, какъ стрѣла, главная улица норвежской столицы Karl-Johans-gade, тянется отъ вокзала до холма, на которомъ возвышается величественное зданіе королевскаго дворца. Красивыя зданія, выстроенныя преимущественно въ новомъ стилѣ, роскошные магазины съ разнообразными товарами, высятся по обѣ стороны широкой, великолѣпно вымощенной улицы. Правда, товары въ магазинахъ въ большинствѣ привозные, ибо собственная обрабатывающая промышленность развита еще слабо, но есть цѣлый рядъ предметовъ мѣстнаго происхожденія, и, надо отдать имъ справедливость, издѣлія эти отличаются и красотой, и прочностью, и дешевизной. Особенно изящны различныя кожаныя издѣлія: дамскія сумочки, бумажники, кошельки и другія вещи, украшенныя красивымъ тисненіемъ.

Мѣстами широкій проспектъ прерывается площадями съ красивыми зеленѣющими газонами и подстриженными декоративными растеніями, скверами и бульваромъ. Взадъ и впередъ бѣгутъ электрическіе трамваи, линіи которыхъ разбѣгаются въ стороны въ боковыя улицы, вливающіяся въ главную артерію города.

Утромъ нѣтъ большой толпы на улицахъ: спѣшитъ туда и сюда дѣловой людъ, чиновники, коммерсанты и туристы, которыхъ въ эту пору въ Христіаніи достаточно. По улицамъ снуютъ мальчики съ газетами, выкрикивая названія предлагаемыхъ газетъ.

Въ Христіаніи наибольшей популярностью пользуются: „Morgenbladet", „Aftenposten" и „Dagbladet" [1]).

Королевскій дворецъ вѣнчаетъ довольно высокій холмъ, куда ведетъ широкая, гранитная лѣстница, по обѣ стороны которой зеленѣютъ купы деревьевъ королевскаго парка, окружающаго дворецъ сзади и съ боковъ. Дворецъ строгаго стиля, украшенъ порталомъ изъ іоническихъ колоннъ и производитъ внушительное впечатлѣніе.

Осмотръ дворца внутри не требуетъ много времени, но цѣлый рядъ залъ, напримѣръ, столовая, исполненная въ помпейскомъ стилѣ, картины и скульптура норвежскихъ художниковъ дадутъ не мало эстетичныхъ переживаній истинному любителю прекраснаго.

Но тотъ, кто пожелалъ бы получить истинное и полное представленіе о норвежскомъ искусствѣ, долженъ посѣтить музей изящныхъ искусствъ, расположенный неподалеку отъ университета на той же главной улицѣ.

Въ музеѣ собрано много выдающихся произведеній норвежскихъ художниковъ, которыя и составляютъ главную цѣль посѣщенія музея, ибо картины иностранныхъ мастеровъ ничего не дадутъ тому, кому знакомы лучшія сокровищницы искусства крупныхъ европейскихъ центровъ.

Среди дня въ паркѣ оживленно.

Много дѣтишекъ проводятъ здѣсь жаркое время дня. Невольно при этомъ поражаетъ очень малое количество

[1]) „Утреннія извѣстія", „Вечерняя почта", „Дневныя извѣстія".

нянекъ, боннъ и гувернантокъ. Норвежскія дѣти очень самостоятельны и пользуются большой свободой.

Очень часто можно видѣть, что болѣе взрослымъ дѣтямъ поручаются маленькія; какъ серьезно и съ сознаніемъ важности выступаетъ вотъ эта семилѣтняя голубо-

Бульваръ на улицѣ Карлъ-Іоганъ-Гаде.

глазая крошка, которая везетъ въ колясочкѣ своего маленькаго братца; она уже навѣрно не покинетъ его, какъ бы ни былъ великъ соблазнъ побѣгать и порѣзвиться со сверстницами; сознаніе долга и желаніе добросовѣстно исполнить возложенное порученіе уже привито ей съ дѣтства и заложено на всю жизнь. И я думаю, что у такой малолѣтней нянюшки ребенокъ находится въ болѣе надежныхъ рукахъ, чѣмъ у нашихъ нянюшекъ, которыя сплошь и рядомъ больше заняты разговорами, чѣмъ порученными имъ дѣтьми.

Говоря о дѣтяхъ, нельзя не упомянуть о воспитаніи и образованіи дѣтей въ Норвегіи. Въ общественныхъ народныхъ школахъ обученіе совмѣстное, безплатное и обязательное. Ужъ съ дѣтства при совмѣстномъ обученіи у мальчиковъ и дѣвочекъ прививается сознаніе равенства обоихъ половъ въ жизненной борьбѣ, почему и въ семьѣ норвежская женщина занимаетъ положеніе равноправное и вноситъ въ общую работу не малую долю своего труда; и это можно наблюдать на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Школьныя зданія, особенно въ большихъ городахъ, отличаются просторомъ, обиліемъ свѣта и воздуха, почти всегда имѣютъ школьный садъ. Умывальники, души, а иногда ванныя комнаты составляютъ необходимую принадлежность школьнаго зданія, ибо одной изъ важныхъ воспитательныхъ задачъ школа почитаетъ внѣдреніе основныхъ понятій о личной и общественной гигіенѣ; на ряду съ этимъ важное мѣсто занимаетъ и физическое воспитаніе; любовь къ играмъ на чистомъ воздухѣ, гимнастическимъ упражненіямъ и къ спорту составляетъ неотъемлемую черту почти каждаго норвежца.

Лицеи и университетъ, а та же и высшія народныя школы, нѣчто въ родѣ народныхъ университетовъ, дополняютъ систему народнаго образованія въ Норвегіи.

Университетъ Христіаніи одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ Европѣ: онъ былъ основанъ въ 1814 г., но, несмотря на то, быстро завоевалъ себѣ почетное мѣсто среди своихъ европейскихъ собратьевъ. Цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ работали и работаютъ въ немъ, создавая славу своему университету, какъ одному изъ крупныхъ научныхъ центровъ. За небольшой сравнительно періодъ онъ далъ много выдающихся научныхъ силъ; достаточно назвать океанографа Мона, геологовъ Гелленда, Рейша, Броггера, зоологовъ Сарса и Коллета, географа и путешественника Нансена, чтобы видѣть, какое значеніе въ наукѣ имѣетъ теперь этотъ молодой, но богатый научными силами университетъ. При университетѣ находится много спеціальныхъ музеевъ, собраніе древностей сѣвера и богатая библіотека, насчитывающая свыше 250.000 томовъ. Въ университетскомъ саду въ деревянномъ павильонѣ помѣщена одна изъ наиболѣе интересныхъ древностей—корабль викинговъ, вырытый изъ древняго могильника въ Гокстадѣ въ 150 км. отъ Христіаніи вблизи небольшого купальнаго мѣстечка на Сандъфіордѣ. Подобно тому, какъ у древнихъ воинственныхъ кочевниковъ вмѣстѣ съ умершимъ вождемъ зарывали и его боевого коня, такъ и вождя норманновъ закапывали вмѣстѣ съ его кораблемъ, служившимъ ему въ его морскихъ набѣгахъ.

Корабль этотъ археологи относятъ къ IX вѣку послѣ Рождества Христова. Онъ построенъ изъ прочнаго дуба, имѣетъ черный цвѣтъ, длиной свыше 20 метровъ и шириной (въ средней части) 5,10 м. Корабль ходилъ подъ веслами (16 паръ) или подъ парусами; при немъ была найдена часть мачты и уцѣлѣвшія весла, а также часть наружной рѣзной изъ дерева отдѣлки. Паруса, подъ которыми ходилъ корабль, были обычно темно-коричневыми, и этотъ цвѣтъ со временъ викинговъ удержался на многихъ судахъ въ Сѣверной Норвегіи до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ кораблемъ были найдены въ могильникѣ черепа 12 лошадей и 6 собакъ, которыя по обычаю того времени должны были слѣдовать въ могилу за своимъ господиномъ.

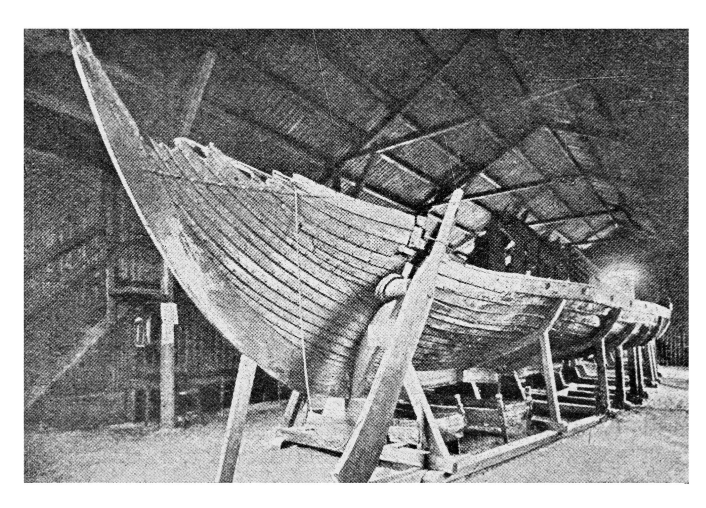
Послѣобѣденные часы туристы проводятъ обычно гдѣнибудь въ окрестностяхъ Христіаніи. Любитель морскихъ купаній на маленькомъ пароходѣ или на электрическомъ трамваѣ отправляется въ Бигдо. Это небольшой полуостровъ, любимое мѣсто загородныхъ прогулокъ жителей Христіаніи и пріѣзжихъ.

Онъ весь покрытъ роскошной зеленью парковъ и садовъ, въ которыхъ прячутся красивыя виллы; на одномъ берегу его высится загородный королевскій дворецъ — Оскарсхалль, построенный для короля Оскара I. Онъ богато украшенъ картинами норвежскихъ художниковъ. Изъ его оконъ и съ его балконовъ открывается дивный видъ на фіордъ, по которому подъ вечеръ подъ легкимъ вѣтромъ безшумно, какъ бѣлокрылыя птицы, скользятъ многочисленныя парусныя яхты любителей паруснаго спорта, весьма распространеннаго и излюбленнаго въ Христіаніи.

Лѣсистые зеленые холмы, окружающіе фіордъ, образуютъ какъ бы роскошную раму, обрамляющую спокойное зеркало водъ, въ тихіе вечерніе часы окрашенныхъ въ нѣжные лазуревые, голубые и розоватые тона. Легкія и свѣтлыя мечты, неясныя думы наполняютъ душу въ эти часы созерцанія единственной по своей плѣнительной красотѣ понорамы Христіанія-фіорда.

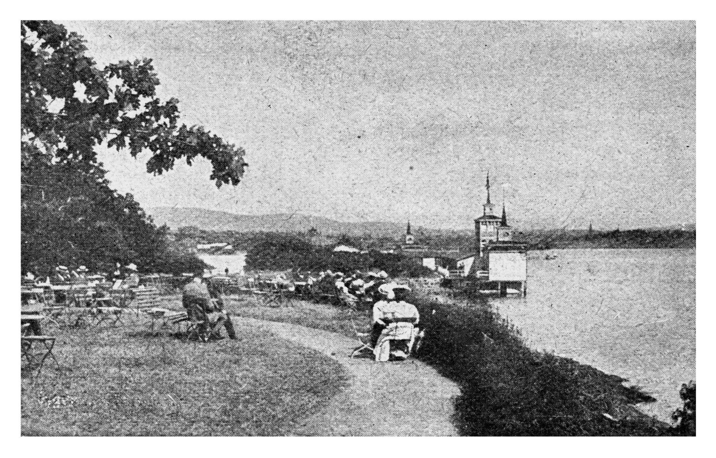
Университетъ въ Христіаніи.

На этомъ же полуостровѣ Бигдо находится своеобразный музей, музей на открытомъ воздухѣ, устроенный наподобіе шведскаго Скансенъ-музея въ Стокгольмѣ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Скансенѣ, устроены скалы, озера, небольшія поля, церкви и жилища, гдѣ собраны наиболѣе характерные предметы быта, имѣющіе громадный этно-



Корабль викинговъ.

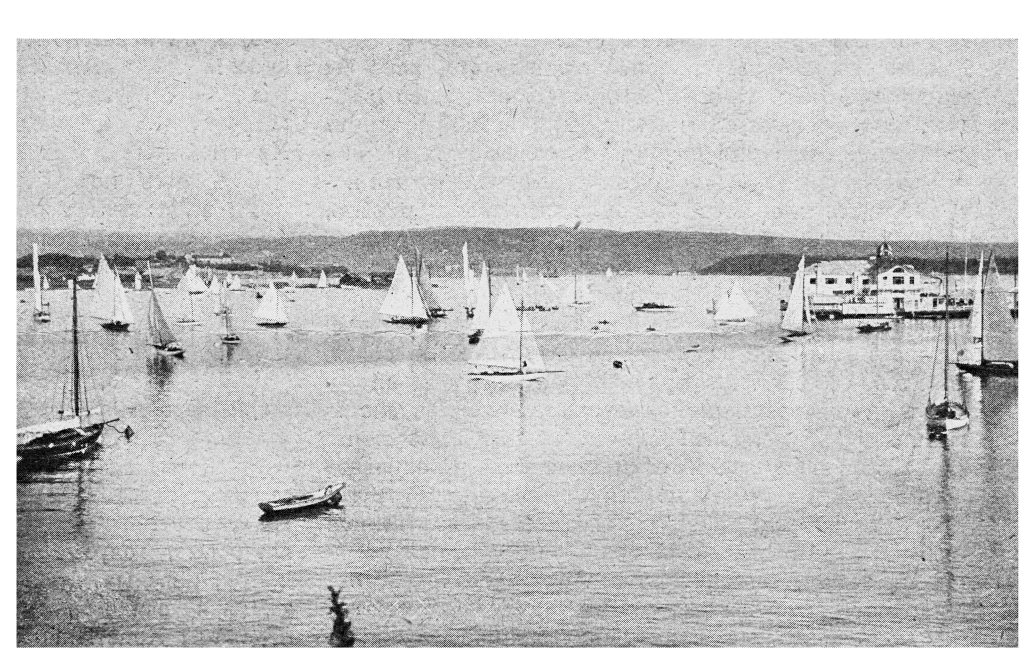
графическій интересъ. Здѣсь на сравнительно небольшомъ кускѣ земли можно ознакомиться съ наиболѣе типичными бытовыми особенностями Норвегіи. Особенно интересны здѣсь старинныя деревянныя постройки, сохранившіяся изъ глубины вѣковъ. Такова, напримѣръ, оригинальная постройка, такъ называемая Стамбуръ, который сохранился только въ очень глухихъ уголкахъ Телемаршно, этой наиболѣе своеобразной части Норвегіи. Стамбуръ, это — двухъэтажный деревянный домъ, верхній этажъ котораго шире нижняго и окруженъ балкономъ. Вся постройка, столбы, балясины и крыша украшены искусной деревянной рѣзьбой. Стамбуры сохранились въ очень небольшомъ числѣ; но интересно отмѣтить то, что эта же архитектурная форма повторяется часто и въ хозяйственныхъ крестьянскихъ постройкахъ, которыя можно видѣть, путешествуя въ Телемаркенѣ. Глубокой древностью вѣетъ отъ этихъ построекъ, и мнѣ кажется, что наша сказочная „избушка на курьихъ ножкахъ" ведетъ свое продолженіе отъ норвежскаго стамбура—постройки, которая поражала воображеніе славянъ, входившихъ въ частыя сношенія съ древними норманнами. Прогулка по этому своеобразному музею среди дивной зелени въ послѣобѣденный часъ, когда солнце уже не жжетъ, а ласкаетъ, даетъ много ни съ чѣмъ несравнимыхъ высокоинтересныхъ впечатлѣній.



Морской берегъ въ Бигдо (близъ Христіаніи).

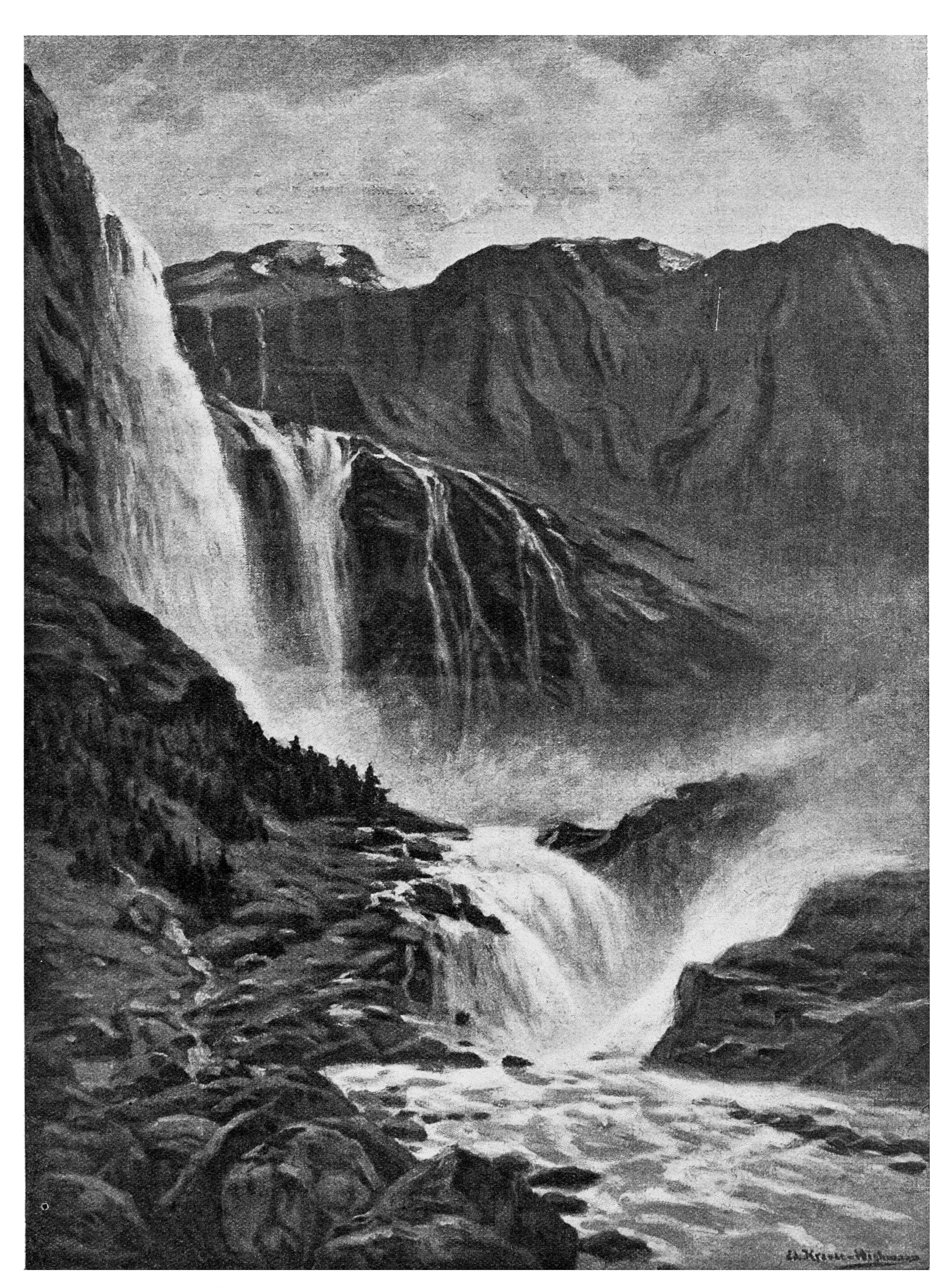
Хольменколленъ—другое наиболѣе посѣщаемое загородное мѣсто. Лѣтомъ и въ особенности зимой—это центръ различныхъ спортивныхъ игръ и состязаній. Изящный, выстроенный изъ дерева, Tourist-Hotel вѣнчаетъ лѣсистый холмъ, съ котораго развертывается единственная по красотѣ панорама окрестностей Христіаніи. Въ зимнее время множество любителей зимняго спорта устремляются въ Хольменколленъ, чтобы провести цѣлый день на чистомъ морозномъ воздухѣ, наслаждаясь всѣми развлеченіями, которыми даритъ зима.

Зимній спортъ въ жизни норвежцевъ играетъ огромную роль; лыжи тамъ не только служатъ цѣлямъ спорта, но являются, благодаря особенностямъ климата, необходимымъ средствомъ передвиженія, которымъ пользуются и дѣти, бѣгущія зимой на лыжахъ въ школу, и взрослые, направляющіеся по своимъ дѣламъ. Неудивительно поэтому, что въ этомъ спортѣ норвежцы достигли большого искусства; любимое развлеченіе лыжниковъ это—катаніе съ крутыхъ горъ и смѣлые прыжки на лыжахъ съ высоты 10—15 метровъ, требующіе и искусства и громаднаго самообладанія. Катанье на санкахъ и конькахъ дополняетъ циклъ зимнихъ развлеченій. Раціонально поставленное физическое воспитаніе въ школѣ, занятія спортомъ, здоровый горно-морской воздухъ—все это сдѣлало норвежцевъ здоровымъ, полнымъ несокрушимой энергіи народомъ, изъ среды которыхъ только и могли выйти такіе характеры, какъ Фр. Нансенъ. Истинный демократическій строй, широко распространенное просвѣщеніе въ связи съ физическимъ здоровьемъ — создали высококультурную націю, успѣвшую дать человѣчеству цѣлый рядъ высоко одаренныхъ личностей.



Видъ на фіордъ съ парусными яхтами любителей.

Высокая культура Норвегіи сказывается, кромѣ того, и въ тѣхъ пріемахъ, которые практикуются въ борьбѣ съ соціальными недугами, какъ бѣдность, алкоголизмъ и др., неизбѣжными въ городахъ съ кипучей жизнью, а Христіанія живетъ послѣднее время кипучей промышленной и торговой жизнью. Широкое попеченіе о бѣдныхъ, стремленіе облегчить и удешевить жизнь рабочаго класса, создающаго богатство страны,—вотъ къ чему стремится городское управленіе Христіаніи. Въ числѣ другихъ весьма практичныхъ мѣръ такого попеченія нельзя не отмѣтить постройки дешевыхъ квартиръ, снабженныхъ всѣми необходимыми удобствами, устройство дешевыхъ народныхъ столовыхъ. Такая народная столовая—Dampkjökken—находится въ центрѣ города и разсчитана на 2000 человѣкъ. Простой, но вкусный и здоровый обѣдъ, стоящій 20—50



Водопадъ Скегедальсъ въ Гордангеръ-фіордѣ у береговъ Норвегіи.

öръ (12—25 коп.), можно получить въ столовой или брать на домъ.

Пяти-семидневное пребываніе въ Христіаніи оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. Среди европейскихъ столицъ это одна изъ своеобразныхъ по красотѣ, уюту и особенностямъ быта, привлекательная зимой и лѣтомъ.

Съ чувствомъ сожалѣнія и теплой грусти разстается туристъ съ этимъ прекраснымъ городомъ, унося съ собой глубокое уваженіе къ небольшому, но высококультурному норвежскому народу, сумѣвшему при скудныхъ природныхъ условіяхъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ культурныхъ народовъ Европы.

Властелинъ молніи и грома.

Культурно-историческій очеркъ С. Ленкевича.

I.

Среди немалаго количества народныхъ русскихъ праздниковъ видное мѣсто занимаетъ день 20 іюля, извѣстный у нашихъ крестьянъ подъ именемъ „Ильина дня“.

Народная примѣта гласитъ, что въ этотъ день бываетъ сильная гроза, или же дождь и градъ, при чемъ виновникомъ этихъ явленій оказывается пророкъ Илья, выступающій въ роли властелина воздушныхъ стихій. И кто не слышалъ на Ильинъ день потрясающихъ раскатовъ грома, кто въ этотъ день не видѣлъ волшебной вѣтвистой молніи, тотъ, по воззрѣнію народа, не знаетъ, въ чемъ прелесть іюльскаго лѣта, тому незнакомы его голоса, его грозная и таинственная музыка. Самъ народъ чутко прислушивается къ іюльской грозѣ и, стремясь понять непонятное, создаетъ множество интересныхъ примѣтъ и повѣрій: эти послѣднія какъ разъ связываются съ личностью или именемъ библейскаго Ильи, пользующагося широкимъ почитаніемъ въ народныхъ массахъ.

„Илья-пророкъ разъѣзжаетъ по небу въ огненной колесницѣ“ — вотъ первое повѣрье, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Ильинъ день. Съ точки зрѣнія этого повѣрья громъ и молнія объясняются очень просто: громъ — это грохотъ небесной колесницы, на которой катается Илья; что касается молніи, то въ пониманіи этого явленія существуетъ разногласіе: одни крестьяне говорятъ, что это сверкаетъ огненный экипажъ Ильи—его колесница и кони, другіе, напротивъ, склонны видѣть здѣсь „настоящую“ молнію, но только спускаемую съ неба самимъ пророкомъ. Надо замѣтить, что въ настоящее время повѣрье это начинаетъ забываться; оно живетъ теперь лишь въ глухихъ мѣстахъ Россіи.

Зато весьма распространены другія повѣрья, рисующія намъ Илью въ образѣ повелителя грозы, съ одной стороны, и засухи — съ другой. „Илья словомъ дождь держитъ и низводитъ“ — говоритъ народъ въ день 20 іюля.

Этого повѣрья крѣпко держится простой народъ, такъ какъ и церковь говоритъ то же самое: въ день праздника Ильи въ церкви читается молитва, въ которой просятъ пророка о ниспосланіи дождя; при этомъ изъ смысла повѣрья и молитвы одинаково слѣдуетъ, что Илья можетъ не только послать, но и остановить дождь, если послѣдній пойдетъ не въ пору.

Въ самый день 20 іюля русскій крестьянинъ ожидаетъ грозы, при этомъ народъ замѣчаетъ:

„На Ильинъ день дождь — будетъ мало пожаровъ (въ этомъ году), а вёдро—много“.

Являясь повелителемъ дождя, Илья оказывается повелителемъ и града; при этомъ дождь посылается на добрыхъ, а градъ — на злыхъ: „Илья выбиваетъ градомъ хлѣбъ у тѣхъ, кто хлѣбомъ обмѣриваетъ“,—говоритъ народъ, крѣпко вѣря въ справедливость этой примѣты.

Орошая землю дождемъ, побивая посѣвы градомъ, Илья оказывается благодѣтелемъ всѣхъ, когда посылаетъ на землю небесныя слезы—утреннюю росу; послѣдняя помогаетъ старымъ и молодымъ, особенно послѣднимъ: если знать, какъ умыться росой, то можно сдѣлаться красивѣе, на зависть прочимъ парнямъ и дѣвкамъ...

Обращаясь отъ современности къ болѣе древнему времени, мы снова встрѣчаемся съ повѣрьями и примѣтами, рисующими намъ Илью съ одной стороны, какъ повелителя грозы, а съ другой—засухи.

Оказывается, что въ древнемъ Новгородѣ существовали двѣ церкви — одна во имя Ильи Сырого, а другая во имя Ильи Сухого. Если пророкъ гнѣвался и не посылалъ дождя, то народъ шелъ крестнымъ ходомъ изъ церкви Ильи Сухого въ церковь Ильи Сырого; если же, напротивъ, лѣто было слишкомъ дождливымъ, то крестный ходъ направлялся въ обратномъ порядкѣ—отъ Ильи Сырого къ Ильѣ Сухому.

Видную роль играетъ Илья и въ юго-славянскомъ народномъ эпосѣ: когда былъ созданъ міръ—разсказывается въ поэзіи юго-славянъ—Богъ раздѣлилъ его между Іоанномъ, Петромъ и Ильей; послѣднему Онъ отдалъ тучи и громъ...

Какъ и когда возникли эти фантазіи, всѣ эти странныя примѣты и повѣрья?

На Руси появилось все это впервые съ принятіемъ христіанства; вмѣстѣ съ послѣднимъ къ намъ перешелъ Ветхій завѣтъ — древне-еврейская Библія, изъ которой и были почерпнуты разныя сказанія о пророкѣ Ильѣ, такъ какъ именно въ древне-еврейскихъ священныхъ книгахъ Илья рисуется повелителемъ молніи и грома. Вотъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ сейчасъ сказанное: „Въ продолженіе семи лѣтъ не будетъ ни росы ни дождя, развѣ только по моему слову“,—такъ сказалъ пророкъ Илья израильскому царю Ахаву; такую же власть надъ небеснымъ дождемъ, какъ мы видѣли, приписываютъ Ильѣ и наши крестьяне; въ другихъ мѣстахъ Библіи разсказывается, какъ Илья низводилъ огонь съ неба и какъ послѣдній сжигалъ жертву; тамъ же говорится, что по слову Ильи изсохшая земля снова получала дождь.

Что наши народныя повѣрья и примѣты сложились на почвѣ этихъ библейскихъ разсказовъ — это само собой понятно. Но какъ сложились сами библейскіе разсказы объ Ильѣ-громовержцѣ? Вѣдь они представляютъ собою книжные, обработанные разсказы, т.-е. въ основѣ ихъ лежатъ какія-то другія сказанія; какія же именно?

Если присмотрѣться ближе къ библейскимъ разсказамъ объ Ильѣ, то нетрудно будетъ разгадать загадку: мы увидимъ, что въ основѣ ихъ лежатъ народно-еврейскіе миѳы, которые восходятъ къ первобытнымъ воззрѣніямъ человѣка на міръ.

Читатель увидитъ ниже, что послѣднее обстоятельство вполнѣ объяснитъ намъ фантастическій характеръ тѣхъ повѣрій и примѣтъ, которыя связываются съ „Ильинымъ днемъ“.

II.

Когда наши предки—первобытные люди—старались понять то или другое явленіе природы, они объясняли его дѣйствіемъ духовъ. Въ силу своего наивнаго ума они не могли уловить естественныхъ причинъ всего сущаго,—и вотъ всякое явленіе природы, будь то восходъ солнца или откликъ эхо, они приписывали закулисному дѣйствію духовъ.

Живыми свидѣтелями такихъ воззрѣній на міръ являются въ наше время дикіе народы, напримѣръ, африканскіе негры или американскіе индѣйцы. Въ представленіи тѣхъ и другихъ вся природа наполнена безчисленными духами—добрыми и злыми: когда африканскій дровосѣкъ собирается рубить дерево, онъ выливаетъ на его корни какой-нибудь напитокъ, дабы умилостивить духа дерева и получить соотвѣтствующее разрѣшеніе; точно такъ же американскій индѣецъ, челнокъ котораго попалъ на быстрое теченіе, спѣшитъ бросить на воду порцію табаку, опять съ тою же цѣлью—пріобрѣсти расположеніе духа рѣки и благополучно миновать быстрину. Вотъ австраліецъ, потерявшій дорогу въ лѣсной чащѣ: спросите этого дикаря о причинахъ его блужданія — онъ непремѣнно сошлется на какого-нибудь духа, который безжалостно водилъ его за носъ и только послѣ долгихъ просьбъ отпустилъ на волю...

И простой народъ въ цивилизованныхъ странахъ разсуждаетъ не иначе.

Кто мутитъ воду въ рѣкахъ и сидитъ въ нашихъ омутахъ? Водяной,—скажутъ вамъ крестьяне. Кто свиститъ въ лѣсу? Лѣшій,—будетъ отвѣтомъ.

Такія же точно воззрѣнія на міръ были и у доисторическихъ людей.

И подобно тому, какъ для нихъ существовали духи свѣта и тьмы или духи урагановъ и водопадовъ, точно такъ же существовалъ и великій духъ молніи и грома, властелинъ воздушныхъ стихій.

Обратите вниманіе на то обстоятельство, что явленіе грозы — одно изъ величественнѣйшихъ явленій природы, что по силѣ впечатлѣнія, производимаго на наблюдателя, оно не знаетъ себѣ равнаго. И какъ же иначе могли объяснить грозу наши дѣды, какъ ни дѣйствіемъ могучаго духа, „разъѣзжающаго“ въ заоблачныхъ высотахъ?! Если что-либо и имѣло большее значеніе въ ихъ глазахъ, такъ это солнце съ его свѣтомъ и теплотой: оно и было первымъ богомъ человѣчества, къ нему именно обращена была первая молитва; но, конечно, не одно солнце приковывало къ себѣ вниманіе: громъ и молнія также напоминали о себѣ, нагоняя страхъ и требуя почитанія... (О первобытномъ культѣ солнца см. очерки: „Первые люди и ихъ рождественскія святки“,—№ 50 „В. Св.“ за 1911 г.—и „О чемъ разсказываетъ пасхальная ночь“,—№ 13 „В. Св.“ за 1912 г.

III.

Эти-то воззрѣнія на явленія грозы и послужили исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ представленій о повелителѣ молніи и грома. Въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто такого рода процессъ: на почвѣ первобытныхъ представленій являлись народно-поэтическіе миѳы, а на почвѣ народныхъ миѳовъ—разныя культурныя сказанія. Въ послѣднихъ именно мы и находимъ величественные образы боговъ-громовержцевъ съ цѣлымъ рядомъ ангеловъ и демоновъ; вотъ въ качествѣ примѣра древне-индійскій Индра, разъѣзжающій на колесницѣ, запряженной двумя конями; побѣждая засуху и зной, Индра освобождаетъ коровъ, т.-е. небесную влагу, которую засуха и зной держатъ въ неволѣ...

Къ числу народовъ, которые создали такихъ же несуществующихъ боговъ - громовержцевъ, принадлежатъ и древніе евреи; ихъ творческая фантазія прекрасно обработала старыя сказанія, въ результатѣ чего первобытный духъ грозы превратился у нихъ въ художественный образъ Иліи-пророка, Иліи-громовержца; правда, въ Библіи Илья выступаетъ и въ роли историческаго лица—онъ говоритъ и дѣйствуетъ, какъ живой человѣкъ; однако заключительная страница библейской біографіи пророка ярко рисуетъ именно вторую, миѳическую сторону его образа:

„Когда они шли и дорогою разговаривали, вдругъ явилась колесница огненная и кони огненные и разлучили ихъ обоихъ, и понесся Илья въ вихрѣ на небо. Елисей же смотрѣлъ... и не видѣлъ его болѣе“.

Это сказаніе о духѣ грозы, вернувшемся въ заоблачныя сферы, и было унаслѣдовано простымъ русскимъ народомъ (который помнилъ къ тому же своего Перуна), отразилось затѣмъ въ его религіозно-поэтическомъ творчествѣ, въ результатѣ чего и явились тѣ красивыя примѣты и повѣрья, которыя мы привели въ началѣ очерка и съ которыми встрѣтится, быть-можетъ, и самъ читатель въ „Ильинъ день“...

ПИСЬМА ИЗЪ ЛѢСУ.

Біологическія картинки Н. Ѳ. Золотницкаго.

Шмелиное гнѣздо.

Удивительно пріятны въ лѣсу такіе уголки, гдѣ васъ никто не видитъ, и вы никого не видите. Приляжешь себѣ на траву и смотришь въ ея гущу, мечтаешь...

Кругомъ глушь, тишина, только птички кое-гдѣ перекликаются, да кузнечики по временамъ потрескиваютъ. Цвѣты какъ будто киваютъ вамъ своими головками, а трава, привѣтствуя, кланяется.

И невольно переносишься и мыслью и душой въ новый Божій міръ, — міръ мелкихъ созданій, которыхъ то и дѣло давишь ногами и на которыхъ обычно не обращаешь почти никакого вниманія, но міръ, полный своихъ заботъ, своей своеобразной жизни.

И какъ-то страннымъ, непонятнымъ кажется, что и у такихъ ничтожныхъ тварей есть свои нужды, свои потребности, есть свои стремленія, своя какъ бы цѣль жизни, свои, если хотите, удачи и неудачи, свои привязанности, своя вражда. Міръ маленькій, но во многомъ похожій на человѣческій...

И вотъ на-дняхъ, лежа въ такомъ уголкѣ и такъ замечтавшись, я былъ пробужденъ сильнымъ гудѣньемъ, какъ какой трубой, раздавшимся возлѣ меня; оглянулся и вижу—красно-бурый бархатистый моховой шмель вылетаетъ изъ своего гнѣзда.

Это была преинтересная находка — интересный предметъ наблюденія, такъ какъ моховые шмели живутъ очень своеобразно.

Сейчасъ перебрался я къ гнѣзду и сталъ глядѣть (приближаться къ ихъ гнѣзду не опасно: эти милыя созданія очень добродушны и почти никогда не жалятъ).

Смотрю — все гнѣздо изъ мха, а внизу трухлое дерево. Должно-быть, шмели выгрызли въ немъ полость.

Громкое гудѣнье показало, что это, должно-быть, молодой шмель, такъ какъ старые очень осторожны и никогда не гудятъ, стараясь всячески замаскировать мѣстонахожденіе своего жилища. Единственнымъ исключеніемъ среди нихъ является, какъ говорятъ, одинъ шмель, носящій названіе трубача, который, будто, каждое утро, когда еще весь рой спитъ, выйдя изъ гнѣзда, начинаетъ громко гудѣть, извѣщая всѣхъ, что пора просыпаться, пора приниматься за дѣло. По другой же

версіи онъ гудитъ, чтобы взмахами своихъ крыльевъ освѣжить, какъ это бываетъ и у пчелъ, сгустившійся за ночь въ гнѣздѣ воздухъ. Словомъ, такъ или иначе, но здѣсь былъ не этотъ шмель, такъ какъ было уже поздно.

Обыкновенно шмелиное гнѣздо строится каждой весной самкой-царицей, которая большею частью только одна выживаетъ зиму, а весь остальной рой гибнетъ уже поздней осенью. Самка эта наполнена яичками, изъ которыхъ выведется молодой рой.

Постройка начинается ранней весной, какъ только солнышко хорошенько прогрѣетъ землю.

Слабая, еле движущаяся самка вылѣзаетъ изъ-подъ мха, травы или камешковъ, гдѣ провела зиму, и принимается прежде всего за подыскиваніе удобнаго мѣстечка для основанія новой колоніи.

Отогрѣвшись и обсушившись, каждая такая будущая царица начинаетъ усиленно обшаривать окрестности своего зимовья и осматривать каждую щелку, каждую норку: надо выбрать такое мѣстечко, которое не заливалось бы водой, не продавливалось бы копытами пасущагося скота и въ то же время не высыхало во время сильныхъ жаровъ.

И вотъ, найдя, наконецъ, такое мѣстечко, она принимается таскать матеріалъ для гнѣзда: кусочки мха, травинки и, собравъ ихъ, на избранномъ ею мѣстѣ строитъ изъ нихъ свое крошечное гнѣздо, величиной не больше грецкаго орѣха.

Сюда она сноситъ пыльцу растеній, медъ, смѣшиваетъ ихъ въ клубообразную массу и, постепенно увеличивая этотъ запасъ, доводитъ его до величины куринаго яйца.

Тогда она окружаетъ его мягкой кожеобразной оболочкой, составленной изъ смолы хвойныхъ деревьевъ и наклеенныхъ на нее листьевъ и травинокъ.

Образовавъ, такимъ образомъ, запасъ пищи, царица начинаетъ откладывать въ него яйца. Сначала она кладетъ не болѣе 5—6 яицъ. Изъ нихъ дня черезъ 2—3 выходятъ маленькія личинки, которыя затѣмъ, окуклившись, черезъ нѣкоторое время превращаются въ шмелей.

Это первые шмели-работники. Они малы, слабы, величиной не больше мухи. Тѣмъ не менѣе это все-таки же работники, которые могутъ уже собирать медъ и обо всемъ заботиться, и потому царица, какъ только происходитъ вылетъ этихъ первыхъ 5—6 дѣтей, сама перестаетъ уже вылетать изъ гнѣзда и остается въ немъ только какъ повелительница и родительница дальнѣйшихъ шмелей.

Маленькіе шмелики эти строятъ гнѣздо далѣе и собираютъ въ немъ большой запасъ меда, а царица кладетъ въ него новыя яйца и притомъ въ большемъ уже количествѣ. Изъ яицъ выходятъ новыя личинки, коконируются и превращаются въ шмелей, которые начинаютъ такъ же работать, какъ и первые.

Шмели эти уже крупнѣе и сильнѣе, такъ какъ пользовались уходомъ первыхъ шмелей, и даже пробиваютъ окружающую ихъ коконъ оболочку не сами, а прорываютъ его тѣ же первые ихъ братья.

Со второго поколѣнія гнѣздо увеличивается въ размѣрѣ очень скоро и къ началу іюля достигаетъ наибольшей своей величины. Это же время является и разгаромъ всей шмелиной жизни.

Тутъ выходятъ и трутни. Ихъ личинокъ всего 6—8 штукъ на цѣлое гнѣздо. Въ августѣ же выводятся отъ 18—32 молодыхъ царицъ.

Трутни у шмелей являются многоженцами и ухаживаютъ за всѣми царицами. Они продолжаютъ жить и послѣ брачнаго періода, но въ гнѣздѣ имъ разрѣшается оставаться только ночью, а днемъ они должны искать себѣ убѣжища на волѣ.

Что касается до молодыхъ царицъ, то, вернувшись съ брачнаго полета въ гнѣздо, онѣ остаются въ немъ уже на зимовье и забираются поздней осенью глубже въ мохъ, въ клокъ сѣна, гдѣ бы имъ легче было перенести зимнюю стужу. Эти царицы и являются продолжательницами рода на слѣдующій годъ. Остальные всѣ шмели, какъ рабочіе, такъ и трутни, умираютъ вмѣстѣ съ наступленіемъ холодовъ.

Такова исторія шмелинаго гнѣзда.

Наклонившись надъ гнѣздомъ, я увидѣлъ, какъ вылетѣлъ съ жужжаньемъ второй шмель. Онъ, видимо, былъ также недавно выведшійся изъ кокона, такъ какъ, прежде чѣмъ улетѣть, онъ нѣсколько разъ отлеталъ на близкое разстояніе и снова возвращался, какъ бы желая ближе ознакомиться съ окружающей гнѣздо мѣстностью.

Изучая свое жилище, онъ описывалъ въ воздухѣ все большія и большія дуги, пока, наконецъ, совсѣмъ не улетѣлъ, что означало, что онъ ужъ хорошо все замѣтилъ, что ему нужно.

Изученіе это шмели производятъ такъ обстоятельно, что если бы вы вздумали завести у себя шмелиное гнѣздо, то его надо взять по меньшей мѣрѣ за версту, иначе всѣ шмели перелетятъ обратно на старое мѣсто.

Но такія наблюденія производятъ только молодые. Старые же вылетаютъ прямо вверхъ и притомъ возможно беззвучно, и да при возвращеніи, приближаясь къ гнѣзду, стараются не гудѣть.

И потому нѣкоторые старые шмели, замѣтивъ меня, долгое время не хотѣли влетать въ гнѣздо и садились, бѣдные, со своимъ тяжелымъ грузомъ поодаль на цвѣтахъ и мхѣ; а нѣкоторые издавали даже рѣзкій, непріятный звукъ, предупреждающій, вѣроятно, остальныхъ о грязящей опасности.

Чтобы успокоить ихъ, замѣтивъ такого стараго (обыкновенно лысаго) уже шмеля, я отходилъ на минуту въ сторону и ждалъ, пока онъ не влетитъ въ гнѣздо.

Жизнь шмелей въ ихъ моховомъ гнѣздѣ, конечно, наблюдать очень трудно, и потому лучше наблюдать, устроивъ для нихъ небольшое искусственное, домашнее гнѣздо.

Для этого, найдя шмелиное гнѣздо, берутъ деревянный ящикъ, достаточно большой и глубокій, чтобы вмѣстить въ себѣ все гнѣздо, и, наложивъ его предварительно мхомъ, кладутъ въ него гнѣздо. Затѣмъ, оставивъ ящикъ непокрытымъ, ставятъ его какъ разъ на то мѣсто, гдѣ было старое гнѣздо, и даютъ въ немъ шмелямъ немного обжиться. Если же испуганная царица будетъ стараться улетѣть, то, прикрывъ платкомъ, ее надо подержать въ плѣну, пока она не успокоится.

Что шмели обжились — будетъ замѣтно лучше всего потому, что они начнуть чинить

Лѣсъ. *Рисунокъ А. Гуркина.*

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ И ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ.

Первый ученый изслѣдователь Россіи—Петръ Симонъ Палласъ.

Восемнадцатый вѣкъ далъ въ области естествознанія четырехъ великихъ естествоиспытателей: Линнея, Бюфона, Ламарка и Палласа. Но въ то время, какъ имена трехъ первыхъ ученыхъ извѣстны всему образованному міру, имя Палласа извѣстно лишь спеціалистамъ.

Между тѣмъ научныя заслуги Палласа ничуть не меньше научныхъ заслугъ знаменитыхъ натуралистовъ восемнадцатаго вѣка и первой четверти девятнадцатаго столѣтія. Но Палласъ не имѣлъ такой широкой славы, можетъ-быть, потому, что почти вся его дѣятельность протекла въ Россіи, а отчасти и потому, что большую часть своей жизни Палласъ провелъ не въ кабинетѣ и не въ лабораторіи, а на лонѣ живой природы, что помѣшало ему выработать какую-либо общую научную теорію.

Однако непосредственныя наблюденія природы и собираніе сырого матеріала не помѣшали ему сдѣлаться великимъ ученымъ и проложить новые пути въ области естествознанія. Особенно велики заслуги Палласа предъ Россіей, изученію которой онъ посвятилъ сорокъ лѣтъ своей жизни и познакомилъ русскихъ съ ихъ родной страной.

Петръ Симонъ Палласъ родился въ Берлинѣ 22 сентября 1741 г. Онъ отличался хорошими способностями и въ совершенствѣ зналъ языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій, а впослѣдствіи и русскій.

Девятнадцати лѣтъ онъ кончилъ Лейденскій университетъ и защитилъ свою диссертацію, въ которой онъ указывалъ на нѣкоторыя заблужденія Линнея, считавшагося тогда въ наукѣ непогрѣшимымъ авторитетомъ.

Послѣ окончанія университета Палласъ много путешествовалъ по Англіи и Германіи. Рѣшивъ посвятить свою жизнь наукѣ, Палласъ поселился въ Голландіи и 25-ти лѣтъ написалъ большое сочиненіе: «Картина животно-растеній». Это сочиненіе произвело переворотъ въ зоологіи; въ немъ Палласъ, *первый* изъ натуралистовъ, отбросилъ старинное дѣленіе тѣлъ природы на три царства. Палласъ высказалъ первый мнѣніе, что между растительнымъ и животнымъ царствомъ нѣтъ рѣзкой грани, и доказывалъ, что зоофиты связываютъ растенія съ животными, и что вообще всѣ тѣла и существа въ природѣ образуютъ связную сѣть, или дерево съ многими вѣтвями, взаимно поддерживающими другъ друга. Это былъ совершенно новый взглядъ.

Палласъ высказался также за возможность происхожденія нѣсколькихъ близкихъ между собой видовъ отъ общаго родоначальника.

Въ слѣдующемъ году Палласъ издалъ другое сочиненіе: «Зоологическій сборникъ». Эти два сочиненія сдѣлали имя Палласа европейски-извѣстнымъ. Передъ Палласомъ открывалась широкая карьера европейскаго ученаго. Но въ это время русская императрица Екатерина вторая задумала снарядить экспедицію для всесторонняго изученія Россіи, совершенно неизслѣдованной до этого времени. Она обратилась въ Лейпцигъ къ профессору Людвигу съ просьбой указать ей компетентнаго человѣка, которому можно было бы поручить начальство надъ экспедиціей. Людвигъ указалъ на Палласа.

Въ 1767 г. Палласъ принялъ приглашеніе русской Академіи Наукъ и пріѣхалъ въ Россію. Съ этихъ поръ для Палласа наступаетъ дѣятельная и трудовая жизнь.

Въ 1769 г. экспедиція, подъ начальствомъ Палласа, отправилась изслѣдовать Россію. Экспедиція состояла изъ ученыхъ: Лепехина, Зуева, Рычкова, Соколова, Гмелина-Младшаго, Фалька, Георги и др. Кромѣ того, въ различныя мѣстности Россіи были отправлены семь астрономовъ и геометровъ.

Экспедиція провела въ своихъ изслѣдованіяхъ нѣсколько лѣтъ, и Палласъ изъѣздилъ всю Россію и большую

Dr. Pet. Sim. Pallas.

часть Сибири, описывая характеръ и природу различныхъ русскихъ мѣстностей, собирая образцы растеній и животныхъ.

Коллекціи, собранныя во время этого путешествія, легли въ основу коллекціи академической кунсткамеры, а часть ихъ попала въ берлинскій университетъ.

Въ Сибири Палласу удалось найти одинъ изъ метеоритовъ, которые до этого времени были совершенно неизвѣстны. Этотъ метеоритъ хранится въ Петербургѣ въ музеѣ Академіи Наукъ и извѣстенъ подъ названіемъ «Палласово желѣзо».

Послѣ почти двадцати лѣтъ путешествій по Европейской Россіи и Сибири, Палласъ, утомленный физически и нравственно, рѣшился удалиться на покой и приняться за обработку собранныхъ матеріаловъ. Въ 1795 г. Палласъ поселился въ Крыму и принялся за большое сочиненіе о животныхъ Россіи и Сибири. Палласъ успѣлъ издать лишь три тома «Описанія животныхъ Россіи и Сибири (Zoographia Rosso-Asiatica). Въ этомъ сочиненіи Палласомъ описано около двухсотъ различныхъ русскихъ млекопитающихъ, четыреста двадцать пять видовъ птицъ и нѣсколько видовъ низшихъ животныхъ.

Палласъ написалъ также большое сочиненіе о русскихъ растеніяхъ, которое осталось неоконченнымъ. Вышло только два тома, заключающіе въ себѣ описаніе деревьевъ и кустарниковъ Россіи.

Какъ зоологическія, такъ и ботаническія работы Палласа отличаются точностью и ясностью языка и высоко цѣнились современниками. Линней назвалъ въ честь Палласа одно растеніе—Pallasia, а Кювье написалъ Палласу похвальное слово, въ которомъ сказалъ, что «если бы Палласъ не предавался путешествіямъ, то онъ сдѣлалъ бы для науки гораздо болѣе, благодаря силѣ своего генія».

Дѣйствительно, Палласъ обладалъ обширными познаніями, и нѣтъ отрасли естественныхъ наукъ, въ которой онъ не проложилъ бы новаго пути и не внесъ бы новыхъ идей.

Палласъ былъ основателемъ *палеонтологіи*. Онъ написалъ первое сочиненіе по этой наукѣ: «Наблюденіе надъ ископаемыми костями Сибири, особенно надъ черепами носорога, буйвола и слоновъ».

Вмѣстѣ съ Соссюромъ Палласъ положилъ также основаніе *геологіи*, написавъ въ 1777 г. замѣчательное сочиненіе: «Объ образованіи горъ». Онъ тщательно изучалъ строеніе Урала и Алтая, и первый высказалъ мысль, что земные пласты суть страницы великой книги, гдѣ записана исторія земли.

Во время поѣздокъ по юго-восточнымъ степямъ, онъ подмѣтилъ слѣды прежняго высшаго стоянія уровня Каспійскаго моря и опредѣлилъ часть древнихъ его береговъ.

Онъ оставилъ также топографическое описаніе Таврической области.

Но Палласъ былъ не только великимъ естествоиспытателемъ, онъ считается также и основателемъ науки *антропологіи*, первый написавъ сочиненіе по антропологіи: «Исторія монгольскаго народа».

Онъ занимался, кромѣ всего этого, сравнительнымъ языкознаніемъ и началъ, по повелѣнію императрицы Екатерины Второй, составленіе сравнительнаго словаря двухсотъ различныхъ европейскихъ и азіатскихъ языковъ. Смерть Палласа прервала этотъ трудъ въ самомъ началѣ, но этимъ трудомъ Палласъ проложилъ путь изслѣдователямъ восточной филологіи, и его словарь является первымъ шагомъ сравнительнаго языкознанія.

Какъ географъ, Палласъ объѣхалъ громадныя пространства европейской Россіи и Сибири и *первый* описалъ съ научной точки зрѣнія русскія горы, степи, моря и вообще русскую природу. Онъ произвелъ множество метеорологическихъ и климатическихъ наблюденій во многихъ пунктахъ Россіи, за что получилъ отъ современниковъ названіе «Соссюра Россіи».

Позднѣйшимъ изслѣдователямъ Палласъ оставилъ великій завѣтъ, сказавъ, что «главнымъ достоинствомъ описанія путешествія должна быть его достовѣрность».

Въ 1809 г., послѣ 42-лѣтняго пребыванія, Палласъ покинулъ Россію и уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ и умеръ 12 сентября 1811 года.

Н. Л.

поврежденія въ своихъ кончикахъ, а тогда, подождавъ позднихъ сумерекъ—время, когда всѣ шмели возвращаются домой,—надо прикрыть ящикъ крышкой и перенести его въ то мѣсто, куда желаете.

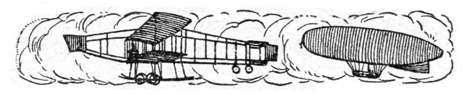
Мѣсто это должно быть непремѣнно затѣненное, такъ какъ иначе въ жаркое время шмели не будутъ работать въ гнѣздѣ, а лишь толпиться у входа, обвѣвая себя быстрыми движеніями крыльевъ, чтобы немного прохладиться.

Наблюденія, которыя можно произвести въ подобномъ гнѣздѣ, необычайно любопытны, и потому нельзя не порекомендовать ихъ всѣмъ любителямъ природы...

Заинтересованный своими шмелями, я просидѣлъ надъ гнѣздомъ до поздняго вечера и не могъ налюбоваться, какъ, отягощенные тяжелой ношей меда и перги, шмели то и дѣло влетали въ гнѣздо, оставляли тамъ свою добычу и затѣмъ снова пускались на новые поиски.

Не могу выразить, какъ работа и жизнь этихъ прелестныхъ бархатистыхъ насѣкомыхъ казалась мнѣ увлекательной. Часы, которые я провелъ надъ ихъ наблюденіемъ, прошли для меня, какъ мигъ, и какое-то невыразимо пріятное, сладостное чувство наполняло всю мою душу. Я забылъ о всѣхъ своихъ обыденныхъ дѣлахъ, о всѣхъ людскихъ дрязгахъ и, погрузившись въ новый міръ, какъ бы слился душой со всей природой...

Н. Золотницкій.



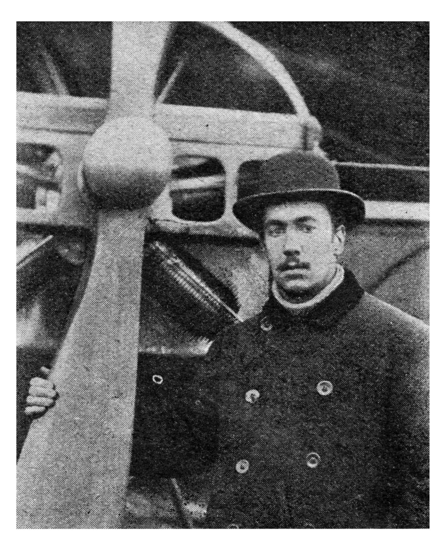
Современное воздухоплаваніе.

Аэропланы-омнибусы.

Почти одновременно во Франціи и въ Россіи закончены своей постройкой первые аэропланы-омнибусы, которые своимъ появленіемъ вписали новую блестящую страницу въ исторію мірового воздухоплаванія.

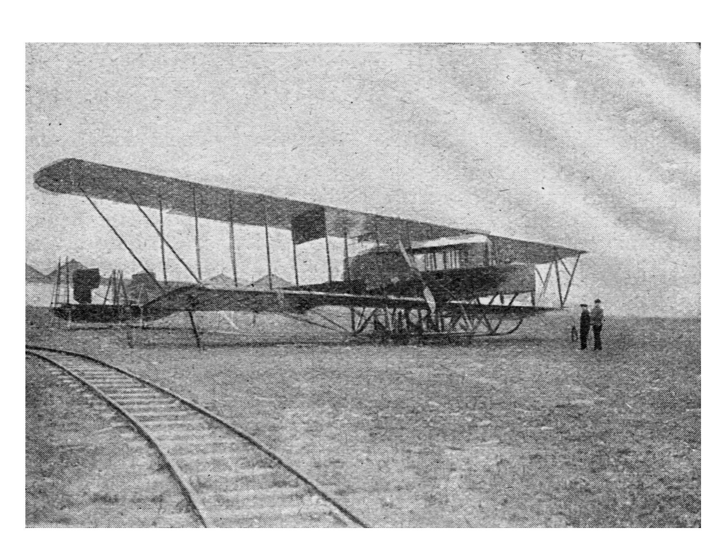
Прогрессъ воздухоплаванія заключается въ созданіи безопаснаго, удобнаго и доступнаго широкимъ слоямъ населенія воздушнаго передвиженія. Вотъ почему созданіе каждаго новаго аэроплана-омнибуса и должно послужить новымъ этапамъ по пути завоеванія воздушной стихіи.

Особенно радостнымъ это событіе должно оказаться для Россіи, которая впервые за все время существованія воздухоплаванія смогла одержать побѣду на міровой воздухоплавательной аренѣ. Русскому строителю, бывшему скромному студенту кіевскаго политехническаго института И. И. Сикорскому, послѣ долгихъ неустанныхъ трудовъ удалось, наконецъ, создать аэропланъ-омнибусъ, являющійся чуть ли не первой на всемъ земномъ шарѣ попыткой осуществить въ истинномъ смыслѣ слова пассажирскій аэропланъ.



И. И. Сикорскій, строитель аэроплана-омнибуса своей конструкціи.

Главною особенностью аэроплана-омнибуса Сикорскаго является необычайная надежность и прочность всей конструкціи при столь огромныхъ размѣрахъ аппарата. Вѣдь въ размахѣ аппаратъ этотъ имѣетъ 27 метровъ (около 13 саженъ), а въ длину — 21 метръ (около 10 саженъ) и понятно, что площадь поддерживающихъ поверхностей этого воздушнаго гиганта должна быть не изъ маленькихъ, достигая 130 квадратныхъ метровъ (около 250 квадратныхъ аршинъ).



Общій видъ аэроплана-омнибуса Сикорскаго.

Несмотря на такіе большіе размѣры, несущія поверхности сдѣланы настолько прочными, что по нимъ свободно могутъ ходить нѣсколько человѣкъ. Мнѣ лично удалось наблюдать, какъ человѣкъ 7—8 слесарей и механиковъ во время вывѣрянія двигателей стояли на нижней несущей поверхности и при этомъ нельзя было отмѣтить ни малѣйшаго прогиба.

Понятно, что для перемѣщенія всей этой воздушной громадины въ воздухѣ необходима соотвѣтствующей величины двигательная сила: вотъ почему мы и находимъ на этомъ аэропланѣ четыре двигателя по сто лошадиныхъ силъ каждый, т.-е. въ общей сложности 400 лошадиныхъ силъ. Двигатели эти установлены на нижней поддерживающей поверхности по два одинъ за другимъ, по обѣимъ сторонамъ центральной части аэроплана, и приводятъ въ движеніе каждый по одному воздушному винту длиною около 4 аршинъ.

Весь аэропланъ вмѣстѣ съ двигателями, винтами, но безъ запаса горючаго топлива, масла, безъ пассажировъ и, наконецъ, безъ снаряженія вѣситъ около 110 пудовъ (около 1800 килограммовъ). Поднимать же онъ можетъ 240 пудовъ (около 4000 килограммовъ), такъ что на полезный грузъ остается около 130 пудовъ. Имѣющееся достаточное помѣщеніе даетъ возможность брать съ собою два 6-пудовыхъ бензинныхъ бака, расположенныхъ надъ двигателями и одинъ 30-пудовый бензинный бакъ, расположенный подъ нижнею поддерживающей поверхностью. Подъ 6-пудовыми бензинными баками укрѣплены 2 трехпудовыхъ бака для масла. Благодаря такому запасу топлива Сикорскій можетъ пролетѣть безостановочно не менѣе 1000 верстъ и взять съ собою 80 пудовъ, въ составъ которыхъ могутъ войти до 12 пассажировъ, орудія для обстрѣливанія, станція безпроволочнаго телеграфированія, запасныя части, инструменты, съѣстные припасы.

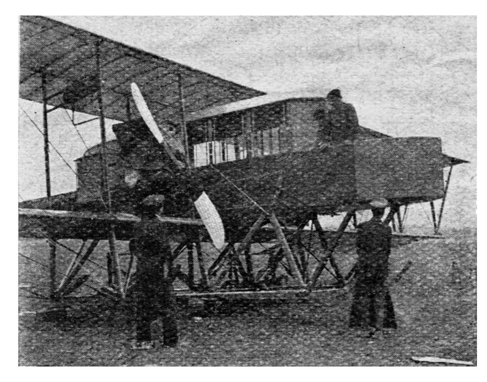
Самымъ интереснымъ въ аэропланѣ Сикорскаго является тележка для разбѣга при взлетѣ и при спускѣ и каюта. Да оно и понятно, вѣдь тележка должна воспринять на себя столь огромный грузъ, какъ 240 пудовъ. Вотъ почему тележка имѣетъ 8 колесъ, 4 полоза (2 главныхъ и 2 дополнительныхъ и свыше 200 пружинныхъ тормозовъ.

Что касается каюты, то она помѣщается въ далеко выдвинутомъ впередъ корпусѣ аэроплана и состоитъ изъ передней капитанской комнаты, каютъ-компаніи, спальной комнаты и, наконецъ, кухни, кладовой и уборной. Впереди каюты имѣется очень просторное и открытое помѣщеніе для пулемета и пулеметчика. Каюта имѣетъ въ вышину около 2 метровъ (около 3 аршинъ) и почти столько же въ ширину, въ длину же она тянется на 7 метровъ (около 10 аршинъ). Крыша каюты сдѣлана изъ алюминія, а стѣнки—застеклены. Въ капитанской комнатѣ находится все управленіе двигателями, рулями, надкрылами. Въ каютъ-компаніи имѣются диваны, кресла. Наконецъ въ кухнѣ устроена плита, подогрѣваемая отходящими по особымъ трубамъ изъ двигателей горячими газами. Все помѣщеніе освѣщается электрическими лампочками, получающими огонь отъ динамо-машины, установленной на аэропланѣ.

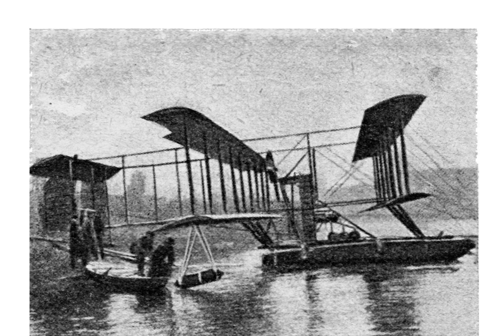
Для управленія аэропланомъ служатъ 2 руля направленія и одинъ руль высоты, всѣ укрѣпленные на заднемъ концѣ корпуса аэроплана. Боковая устойчивость аэроплана управляется съ помощью особыхъ открылковъ, являющихся продолженіемъ верхней поддерживающей поверхности и находящихся по обоимъ концамъ послѣдней.

Полотно, которымъ обтянутъ весь аэропланъ, пропитано особымъ составомъ, придающимъ матеріи жесткость и эластичность, и покрыто сверху лакомъ, дѣлающимъ всю поверхность чрезвычайно гладкой до блеска. Такая тщательная обработка даетъ возможность аэроплану Сикорскаго спокойно выносить всякую погоду, оставаясь совершенно на открытомъ воздухѣ.

Не менѣе любопытнымъ является французскій гидропланъ (морской аэропланъ) „Жансона-Коллье". Аппаратъ этотъ построенъ съ исключительно военною цѣлью, для уничтоженія большихъ дирижаблей типа „Цеппелина" и большихъ морскихъ судовъ. По своимъ размѣрамъ онъ довольно близко приближается къ аэроплану Сикорскаго: въ размахѣ онъ имѣетъ 25 метровъ (около 12 саженъ), а въ длину — 18 метровъ (около 9 саженъ), площадь поддерживающихъ его поверхностей составляетъ 120 квадратныхъ метровъ. Зато по своей конструкціи онъ ничѣмъ не напоминаетъ Сикорскаго. Гидропланъ Жансона состоитъ изъ двухъ переднихъ двупланныхъ коробокъ, расположенныхъ одна за другой. Между этими двумя

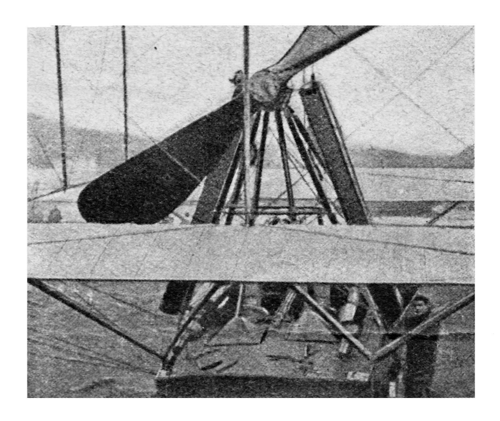


Гондола и передняя часть аэроплана-омнибуса Сикорскаго.



Гидропланъ-омнибусъ Жансона.

коробками вращается единственный на гидропланѣ двухлопастный воздушный винтъ, работающій отъ двухъ двигателей въ 200 силъ каждый. Вмѣсто каюты Сикорскаго на гидропланѣ Жансона имѣется очень помѣстительная ($7^1/_2$ метровъ—около $3^1/_2$ сажень) въ длину и $2^1/_2$ метра (около $1^1/_4$ сажени—въ ширину) и очень удобная лодка, расположенная подъ нижнею поддерживающею поверхностью и вмѣщающая въ себѣ до 10 человѣкъ. Двигатели, запасъ горючаго матеріала и масла, инструменты, станція безпроволоч-



Гигантскій воздушный винтъ гидроплана-омнибуса Жансона.

наго телеграфа, огнестрѣльныя орудія, провіантъ—все это помѣщается въ этой лодкѣ.

Гидропланъ Жансона уже готовый къ полету вѣситъ около 3600 килограммовъ (220 пудовъ) и поднимаетъ полезнаго груза около 1000 килограммовъ (65 пудовъ). Радіусъ его дѣйствія достигаетъ 1000 километровъ.

Отрадно отмѣтить, что обоимъ этимъ воздушнымъ гигантамъ уже удалось совершить очень удачные пробные полеты.

Я. Гольбергъ.

Извлеченіе со дна моря „Фрегата Паллады".

Воспѣтому Гончаровымъ „Фрегату Паллада", кажется, суждено вновь появиться на поверхности моря. Но, къ нашему стыду, не мы будемъ владѣть имъ, а японцы.

„Фрегатъ Паллада", какъ извѣстно, былъ затопленъ самими русскими въ 1854 году въ Татарскомъ проливѣ.

Затопленъ онъ на сравнительно неглубокомъ мѣстѣ и въ ясную, тихую погоду съ поверхности моря видно, какъ на днѣ лежитъ совершенно сохранившійся крейсеръ.

Проходившія по Татарскому проливу русскія военныя суда останавливались иногда возлѣ того мѣста, гдѣ затонулъ „Фрегатъ Паллада", а спущенные съ судовъ водолазы извлекали изъ воды куски стариннаго крейсера.

И офицера, которымъ доставались эти куски, бережно хранили ихъ, сознавая, что они составляютъ частицу того самаго судна, на которомъ когда-то плавалъ самъ Гончаровъ.

Между прочимъ, одинъ изъ такихъ кусковъ отъ „Фрегата Паллады" находится у нынѣшняго русскаго морского министра Григоровича.

Мысль о извлеченіи „Фрегата Паллады" изъ воды не нова.

Лѣтъ съ десять тому назадъ, незадолго до начала русско-японской войны, о поднятіи крейсера сталъ хлопотать одинъ изъ дальневосточныхъ предпринимателей, соблазненный тѣмъ, что на „Фрегатѣ Палладѣ" много имѣется мѣди, которую такъ охотно покупаютъ японцы.

Не помню теперь почему, но разрѣшенія на поднятіе со дна моря „Фрегата Паллады" русскій предприниматель получить не могъ.

Скоро настала русско-японская война, всѣ были, конечно, увлечены ею, естественно, совершенно позабывъ о „Фрегатѣ Палладѣ".

Послѣ русско-японской войны половина острова Сахалина, именно южная его часть, досталась японцамъ. Вмѣстѣ съ этимъ перешло къ нимъ и то мѣсто Татарскаго пролива, гдѣ, на морскомъ днѣ, лежитъ „Фрегатъ Паллада".

Японцамъ совершенно невѣдомъ Гончаровъ и неизвѣстно, какое важное историческое значеніе для русскихъ имѣетъ дорогой для каждаго изъ нихъ „Фрегатъ Паллада". Но обшаривая въ погонѣ за извлеченіями какой-нибудь для себя пользы не только клочки доставшейся имъ части острова Сахалина, но даже прилегающія къ нему моря, японцы натолкнулись въ концѣ прошлаго года на какое-то потонувшее военное судно.

Находка потонувшаго судна сильно заинтересовала японцевъ.

Японцы сейчасъ же сообразили, что если судно хорошо сохранилось и имъ поднять его на поверхность моря, то можно будетъ хорошо поживиться.

Но подъемъ судна со дна моря не легокъ и стоитъ громадныхъ денегъ.

Однако ни первое препятствіе ни второе не удерживаютъ настойчивыхъ во всемъ японцевъ.

Въ серединѣ прошлаго года въ Японіи образуется особое коммерческое общество, для извлеченія изъ воды русскаго крейсера, найденнаго на днѣ Татарскаго пролива.

Во главѣ этого общества становится проживающій въ портѣ Отару (на островѣ Хакайдо) посредникъ по морскимъ дѣламъ японецъ Кудо.

Подъ начальствомъ самого Кудо осенью прошлаго года изъ Японіи отправляется партія японскихъ водолазовъ, которые, прибывъ къ мѣсту нахожденія затонувшаго крейсера, спускаются на морское дно и принимаются за изслѣдованіе крейсера.

Работы по изслѣдованію крейсера продолжались долго, и водолазы могли довольно тщательно осмотрѣть судно.

Однако названіе крейсера японскіе водолазы, несмотря на всѣ свои старанія, прочесть не могли.

По словамъ водолазовъ, крейсеръ хорошо сохранился, имѣетъ много мѣдныхъ частей, и потому поднятіе его на поверхность моря не только окупится, но даже если найденный крейсеръ будетъ проданъ на сломъ, то и то онъ принесетъ большіе барыши.

Наступившіе вскорѣ страшные холода заставили водолазовъ прекратить свою работу.

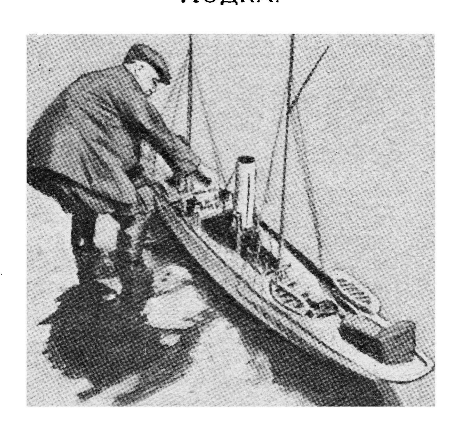
Но и добытыхъ ими данныхъ о затонувшемъ крейсерѣ было вполнѣ достаточно.

Послѣ этого Кудо немедленно отправляется въ Токіо, докладываетъ кому слѣдуетъ о своей находкѣ и затѣмъ обращается съ ходатайствомъ къ японскому правительству о выдачѣ ему разрѣшенія на поднятіе крейсера.

Затѣя Кудо заинтересовываетъ японское правительство, и оно охотно даетъ ему просимое разрѣшеніе, но съ небольшой лишь оговоркой, что Кудо, въ виду того, что найденное судно когда-то принадлежало русскимъ, долженъ заручиться также согласіемъ на поднятіе крейсера отъ русскаго посла въ Японіи.

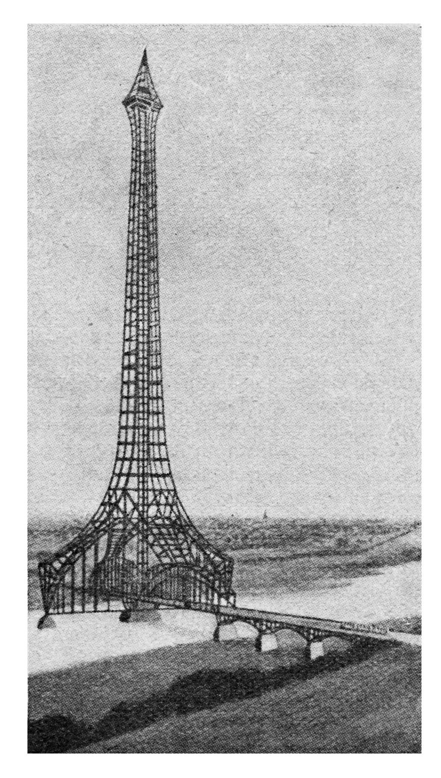
ОХОТА ЗА КУРЬЕЗАМИ.

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ МОТОРНАЯ ЛОДКА.



Эта моторная лодка принадлежитъ къ разряду курьезовъ, въ родѣ, напр. миніатюрнаго бензиноваго двигателя, помѣщающагося въ спичечной коробочкѣ, который былъ выставленъ въ Берлинѣ на выставкѣ воздухоплаванія. Лодочка-моторъ плаваетъ по пруду Кенсингтонскаго парка въ Лондонѣ и представляетъ изъ себя точную модель моторной лодки со всѣми подробностями ея приспособленій.

ПО СТОПАМЪ ЭЙФЕЛЯ..



Нѣкто Чехъ, инженеръ изъ Дюссельдорфа, выступилъ на-дняхъ съ проектомъ башни въ 500 метровъ вышины для безпроволочнаго телеграфа и научныхъ цѣлей, которымъ служитъ и Эйфелева башня. Но чеховскій гигантъ будетъ больше чѣмъ на 200 метровъ превышать Эйфелеву башню, имѣющую 300 метровъ высоты. Башню предполагаютъ воздвигнуть надъ Рейномъ, близъ Дюссельдорфа. Она будетъ покоиться на пяти каменныхъ устояхъ, изъ которыхъ три будутъ служить для желѣзнодорожнаго моста.

Русскій посолъ, къ которому обратился Кудо, изъявляетъ свое согласіе на извлеченіе „Фрегата Паллады“ японцами, но при условіи, что, если на поднятомъ суднѣ окажутся какіе-нибудь цѣнные для изученія исторіи русскаго флота предметы, то они должны быть немедленно безвозмездно переданы въ вѣдѣніе русскаго правительства.

Кудо охотно принимаетъ условіе русскаго посла.

Получивъ въ началѣ нынѣшняго года разрѣшеніе на извлеченіе изъ воды крейсера, Кудо дѣятельно принялся за разработку плана своего предпріятія. Въ этомъ ему приходятъ на помощь нѣкоторые изъ японскихъ инженеровъ, принимавшіе участіе въ подъемѣ „Варяга“, а также затопленныхъ русскими военныхъ судовъ Портъ-Артурской эскадры.

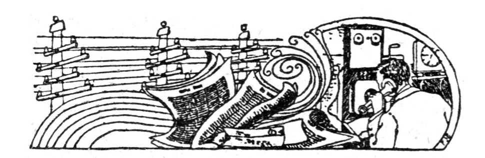
Татарскій проливъ освобождается ото льда около марта мѣсяца, къ этому времени планъ поднятія судна уже былъ окончательно выработанъ, затѣмъ было заарендовано судно и набраны необходимые люди.

И лишь только Татарскій проливъ освободился ото льда, Кудо сейчасъ же покинулъ Японію и отправился къ тому мѣсту, гдѣ затонулъ крейсеръ.

Работы начались въ концѣ апрѣля и теперь онѣ въ самомъ разгарѣ.

По выработанному плану „Фрегатъ Паллада“ долженъ быть поднятъ въ лѣто нынѣшняго года.

Смогутъ ли японцы на самомъ дѣлѣ осуществить свою затѣю, покажетъ намъ недалекое будущее, сами же они, однако, заранѣе увѣрены въ своемъ успѣхѣ. п. чечинъ.



ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Тибетская библія. Тибетская библія называется *Канджуръ* (переводы слова Будды), состоитъ изъ 108 томовъ по 10.000 страницъ каждый.

Каждый томъ вѣситъ около 11 ф. и имѣетъ $13^1/_2$ вершковъ въ длину, $4^1/_2$ вершка въ ширину. Для перевозки этого собранія священныхъ книгъ требуется 12 яковъ (тибетскихъ быковъ), а дома, гдѣ хранятся деревянные столбики, при помощи которыхъ печатается библія, составляютъ цѣлый городокъ.

Стоимость одного экземпляра этой библіи обошлась одному монгольскому племени въ 700 быковъ.

Для пониманія Канджура считается необходимымъ еще болѣе многотомный и обширный толкователь, извѣстный въ Тибетѣ подъ названіемъ *Танджуръ* (переводы ученія) и состоящій изъ 225 томовъ. Танджуръ—цѣлая энциклопедія, обнимающая всѣ отрасли тибетской мудрости.

Самое богатое въ Европѣ собраніе тибетскихъ книгъ имѣется въ Петербургѣ—въ библіотекахъ академіи наукъ и университета, гдѣ хранятся единственные въ Европѣ два экземпляра Танджура. н. л.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ «ВОКРУГЪ СВѢТА».

Императоръ Вильгельмъ II. 5 іюня исполнилось 25 лѣтъ государственной дѣятельности Императора Германіи и короля Пруссіи Вильгельма II. Императоръ Вильгельмъ II главное вниманіе свое удѣлилъ развитію германскаго военнаго и морского могущества и достигъ въ этой области того, что Германія сдѣлалась одной изъ могущественнѣйшихъ міровыхъ державъ. Но въ то же время Германія за все время его царствованія не вела никакихъ войнъ, кромѣ колоніальныхъ. Режимъ, который установленъ въ частномъ обиходѣ Вильгельма II, отличается своей суровостью: почти никакихъ развлеченій, крайне рѣдкіе выѣзды. Все время императоръ отдаетъ работамъ по управленію государствомъ. Нѣтъ области науки или искусства, которыми не интересовался бы Императоръ. Свободныя минуты онъ посвящаетъ чтенію музыкѣ и живописи. Онъ даже написалъ музыку для оперы. Императору Вильгельму II удавалось справляться до сего времени со своимъ громаднымъ трудомъ только благодаря регулярному распредѣленію дня и затрачиваемымъ ежедневно на занятія 17 часамъ. И понятно теперь, почему Вильгельмъ II любитъ шутя говорить своимъ приближеннымъ: «Трудное ремесло быть императоромъ».

Лордъ Норсклиффъ, издатель самыхъ большихъ англійскихъ газетъ «Таймса», «Дэли Мэль» и «Дэли Миррорь» и шестидесяти другихъ изданій, прозванный «Наполеономъ прессы». Видя, что ежегодно приходится покупать для газетъ бумаги на милліоны, а лѣсныя богатства Норвегіи, доставлявшія древесную массу, съ каждымъ годомъ истощаются, Лордъ Норсклиффъ рѣшилъ обзавестись собственными лѣсами въ Канадѣ. Быстро составившаяся компанія пріобрѣла 5500 квадратн. километровъ лѣса на Нью-Фаундлэндѣ, гдѣ судоходныя рѣки доставляютъ возможность сплава, и ежегодно подъ топоромъ падаетъ до 50 тысячъ деревьевъ, превращаемыхъ затѣмъ въ бумагу. Но компанія Норсклиффа не истребляетъ хищнически лѣсныя богатства. На мѣста вырубленныхъ деревьевъ сейчасъ же сажаются новыя, молодыя. Дерево превращается на мѣстѣ въ массу, а для окончательной обработки послѣдняя отправляется въ Англію. 60 изданій Норсклиффа еженедѣльно выпускаютъ 25 милліоновъ экземпляровъ, и съ каждымъ днемъ количество ихъ увеличивается, такъ что не далекъ день, когда ежедневно срубаемыхъ деревьевъ окажется недостаточно. Компанія, предвидя это, спѣшитъ пріобрѣсти новые лѣсные участки въ Канадѣ.

Марсель Бриндежонъ де Мулине. Французскій авіаторъ Марсель Бриндежонъ де Мулине, прославившійся своимъ однодневнымъ перелетомъ на аэропланѣ изъ Парижа въ Варшаву и своимъ 5000-километровымъ перелетомъ Парижъ — Берлинъ — Варшава — Петербургъ — Стокгольмъ — Копенгагенъ — Гаага — Парижъ. Де Мулине является однимъ изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ выдающихся авіаторовъ. Ему всего 21-й годъ. Уже въ 1910 г. онъ началъ заниматься авіаціей. Онъ съ удивительной настойчивостью самъ, безъ всякой помощи, добился пилотскаго званія на самомъ маленькомъ въ мірѣ монопланѣ «Стрекоза». Много трудностей ему пришлось преодолѣть, но все это нисколько не останавливало его, а, наоборотъ, способствовало его дальнѣйшему самоусовершенствованію. Весь конецъ 1911 г. и начало 1912 г. онъ посвятилъ перелетамъ по всей южной Франціи; всю же остальную часть 1912 г. и начало 1913 г.—подготовкѣ къ перелету на дальность разстоянія. Онъ нерѣдко вылеталъ за предѣлы Франціи, попадая въ Люксембургъ, Германію. Въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года онъ совершилъ перелетъ Парижъ—Лондонъ—Брюссель—Парижъ, а спустя мѣсяцъ 3000-километровый перелетъ Парижъ—Мадридъ—Барселона—Ліонъ—Парижъ.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.